

rocketbook

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ

*Первая красotka
в городе*

Чарльз Буковски

Первая красotka в городе

«ЭКСМО»

1972

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Буковски Ч.

Первая красotka в городе / Ч. Буковски — «Эксмо», 1972

Чарльз Буковски – культовый американский писатель XX века, чья европейская популярность всегда обгоняла американскую (в одной Германии прижизненный тираж его книг перевалил за два миллиона), автор более сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности. Буковски по праву считается мастером короткой формы, и его сборник «Первая красotka в городе», составляющий своего рода двухтомник с классическими «Историями обыкновенного безумия», – яркое тому подтверждение: доводя свое фирменное владение словом до невероятного совершенства, Буковски проводит своего лирического героя – бабника и пьяницу, явное альтер эго автора, – по всем кругам современного ада. Книга также выходила под названием «Самая красивая женщина в городе». В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Буковски Ч., 1972

© Эксмо, 1972

Содержание

Первая красotka в городе	6
Бифштекс из звездной пыли	11
Жизнь в техасском борделе	15
Шесть дюймов	21
Ебливая машина	28
Жиломоталка	36
3 тетki	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Чарльз Буковски

Первая красotka в городе

Charles Bukowski

THE MOST BEAUTIFUL WOMAN IN TOWN

Copyright © 1967, 1968, 1969, 1970, 1972, 1983 by Charles Bukowski

© Немцов М., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Первая красotka в городе

Кэсс была самой молодой и красивой из 5 сестер. Первой красotкой в городе. На 1/2 индеанка, с гибким и странным телом, змеиным и горячим – а уж какие глаза... Она вся была живое пламя. Словно дух в изложницу залили, а удержать не смогли. Волосы черные, длинные, шелковистые, танцевали и кружились без устали, как и вся она. Дух ее либо парил в вышине, либо стелился по земле. Среднего не дано. Некоторые утверждали – Кэсс чокнутая. То есть так считали тупые. Они-то никогда Кэсс не могли понять. Мужикам она казалась только машиной для траха, тут уж плевать, чокнутая или нет. А Кэсс танцевала и флиртowała, целовала мужчин, но, если не считать пары раз, когда доходило до постели, умудрялась ускользнуть. Она избегала мужчин.

Сестры обвиняли ее в том, что она злоупотребляет своей красотой, что у нее ум сонный, но у Кэсс и ум, и дух были что надо: она писала маслом, танцевала, пела, лепила из глины всякие штуки, а если кого-нибудь обижали, душевно или же телесно, Кэсс глубоко сочувствовала. Просто ум у нее был другой – непрактичный. Сестры ревновали, потому что она притягивала их мужиков, и злились, поскольку им казалось, что она мужиками этими распоряжается не лучшим образом. У нее была привычка по-доброму обходиться с уродами; от так называемых красавчиков ее тошнило.

– Кишка тонка, – говорила она. – Без перчика. Думают, главное – идеальная форма ушей и тонко вылепленные ноздри... Одна видимость, а внутри шиш... – Характерец у нее граничил с безумием; для кого-то он и был безумием.

Ее отец умер от кира, а мать сбежала и оставила девчонок одних. Девчонки пошли к родственникам, те определили их в женский монастырь. Монастырь оказался безрадостной дырой, причем больше для Кэсс, чем для сестер. Другие девчонки ей завидовали, и Кэсс дралась почти со всеми. Вдоль левой руки у нее бежали царапины от бритвы – защищала себя в паре драк. На левой щеке тоже остался изрядный шрам, но он скорее подчеркивал ее красоту, чем портил.

Я познакомился с ней в баре на Западной Окраине как-то вечером, Кэсс только-только выпустили из монастыря. Поскольку она была младше прочих сестер, вышла последней. В том баре она просто взяла и подсела ко мне. Большею страхолюдины, чем я, в городе, наверное, не найти – может, потому и подсела.

– Выпьешь? – спросил я.

– Конечно, чего ж нет?

Едва ли в нашей беседе в тот вечер было что-то необычное – это Кэсс вся лучилась. Она меня выбрала – вот и все дела. Никакого напряжения. Выпивать ей нравилось, и залила она довольно много. Совершеннолетней казалась не вполне, но ее все равно обслуживали. Может, у нее ксива была липовая, не знаю. Как бы то ни было, когда она возвращалась из уборной и садилась, во мне шевелилась какая-то гордость. Первая красotka не только в городе, но и в жизни я прекраснее редко встречал. Я положил руку ей на талию и поцеловал один раз.

– Как ты считаешь, я хорошенькая? – спросила она.

– Да, конечно, но тут еще кое-что... внешность ведь не главное...

– А меня всегда обвиняют, что хорошенькая. Ты по правде так думаешь?

– Хорошенькая – не то слово, оно едва ли отдает тебе должное.

Кэсс сунула руку в сумочку. Я думал, платок достает. А она вытащила здоровенную булавку. Не успел я и пальцем дернуть, как она себе проткнула этой булавкой нос – сбоку, прямо над ноздрями. На меня накатило отвращение пополам с ужасом.

Она взглянула на меня и рассмеялась:

– А теперь? Что теперь скажешь, мужик?

Я вытянул у нее из носа булавку и придавил ранку своим платком. Несколько человек вместе с барменом наблюдали представление. Бармен подошел.

– Послушай, – сказал он Кэсс, – будешь опять выпендриваться, мигом вылетишь. Нам твои спектакли не нужны.

– Ох, да иди ты на хуй, чувак! – отозвалась она.

– Приглядывайте за ней, – посоветовал мне бармен.

– Ничего с ней не будет, – заверил я.

– Это *мой* нос, – заявила Кэсс. – А я со своим носом что хочу, то и делаю.

– Нет, – сказал я, – мне тоже больно.

– Тебе что, больно, когда я тычу булавкой себе в нос?

– Да, больно. Я не шучу.

– Ладно, больше не буду. Не грусти.

Она поцеловала меня, как-то даже при этом ухмыляясь и прижимая платок к носу. Ближе к закрытию мы отправились ко мне. У меня еще оставалось пиво, и мы сидели и разговаривали. Тогда я и понял ее как личность: сплошь доброта и забота. Все на лбу написано. И тут же отскакивает обратно в дикость и невнятицу. *Шиза*. Эдакая прекрасная и духовная *шиза*. Возможно, кто-нибудь, что-нибудь погубит ее навсегда. Я только надеялся, что это окажется не я.

Мы легли в постель, и, когда я выключил свет, Кэсс спросила:

– Ты когда хочешь? Сейчас или утром?

– Утром, – ответил я и повернулся к ней спиной.

Утром я поднялся, заварил пару чашек кофе, принес одну ей в постель.

Она рассмеялась:

– Ты первый, кто отказался ночью.

– Да ничего, – ответил я, – можно и вообще обойтись.

– Нет, погоди, теперь мне хочется. Дай я чуть-чуть освежусь.

Кэсс ушла в ванную. Вскоре вышла: выглядела она вполне чудесно – длинные черные волосы блестели, глаза и губы блестели, *сама она* блестела... Свое тело она показывала спокойно – мол, хорошее же. Она легла и укрылась простыней.

– Давай, любовничек.

Я дал.

Она целовалась самозабвенно, но без спешки. Я пустил руки по всему ее телу, в волосы. Оседлал. Там было горячо – и тесно. Я медленно начал толкаться, чтобы продлилось подольше. Ее глаза смотрели прямо в мои.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– А какая тебе разница? – спросила она.

Я расхохотался и погнал дальше. Потом она оделась, и я отвез ее обратно в бар, но забыть Кэсс оказалось трудно. Я тогда не работал и спал до двух, вставал и читал газету. Как-то раз отмокал в ванне, а она зашла с огромным листом – бегонии.

– Я знала, что ты будешь в ванне, – сказала она, – поэтому принесла тебе кое-что прикрыть эту штуку, дикарь ты наш.

И кинула мне лист прямо в ванну.

– Откуда ты знала, что я буду в ванне?

– Знала.

Почти каждый день Кэсс заявлялась, когда я сидел в ванне. В разное время – но промахивалась редко, и всякий раз при ней был листок бегонии. А после мы занимались любовью.

Раз или два она звонила по ночам, и мне приходилось выкупать ее из каталажки за пьянство и драки.

– Вот суки, – говорила она. – Купят выпить пару раз и думают, что это уже повод залезть тебе в штанишки.

– Стоит принять у них стакан – и беды сами на голову повалятся.

– Я думала, их интересую я, а не только мое тело.

– Меня интересуют *и* ты, и твоё тело. Сомневаюсь, однако, что большинство видит дальше тела.

Я уехал из города на полгода, бичевал, вернулся. Кэсс я так и не забыл, но мы из-за чего-то поцапались, да и все равно я понимал, что пора двигать дальше, а когда вернулся – прикинул, что её здесь уже не будет, но не успел и полчаса просидеть в баре на Западной Окраине, как она вошла и уселась рядом.

– Ну что, сволочь, я вижу, ты опять тут.

Я заказал ей выпить. Потом посмотрел на неё. Она была в платье с высоким воротником. Я раньше на ней таких никогда не видел. А под глазами вогнано по булавке со стеклянной головкой. Видно только эти головки, а сами булавки воткнуты прямо в лицо.

– Черт бы тебя драл, зачем портить красоту, а?

– Нет, это *фенька* такая, дурень.

– Совсем спятила.

– Я по тебе скучала, – сказала она.

– Кто-нибудь есть?

– Нет никого. Один ты. Но я тут мужиков кадрю. Стоит десять баксов. Тебе же – бесплатно.

– Вытащи эти булавки.

– Нет, это фенечка.

– Мне от неё очень плохо.

– Ты уверен?

– Ещё как уверен.

Кэсс медленно извлекла булавки и убрала в сумочку.

– Зачем ты уродуешь свою красоту? – спросил я. – Разве нельзя просто жить с нею?

– Чтобы не думали, будто во мне больше ничего нет. Красота – ничто, она не останется. Ты даже не знаешь, как тебе повезло, что ты такой урод, – раз ты людям нравишься, они тебя любят не за красоту.

– Ладно, – ответил я. – Мне повезло.

– То есть я не хочу сказать, что ты урод. Люди только считают тебя уродом. У тебя лицо завораживает.

– Спасибо.

Мы выпили ещё по одной.

– Что делаешь? – спросила она.

– Ничего. Ничем не могу заняться. Интересы нет.

– Я тоже. Был бы бабой, тоже мог бы мужиков кадрить.

– Вряд ли бы мне понравилось близко общаться с такой толпой чужих людей. Утомляет.

– Утомляет, ты прав, все утомляет.

Ушли мы вместе. На Кэсс по-прежнему пялились прохожие. Она все равно была красotka – может, даже красивее прежнего.

Мы добрались до меня, я открыл бутылку вина, и мы сидели и разговаривали. С Кэсс всегда легко было разговаривать. Она немного поговорит, а я послушаю, потом я поговорю. Беседа у нас текла без напряжения. Казалось, мы вместе раскрываем тайны. Когда раскрывалась хорошая, Кэсс смеялась эдак по-своему – только она так и умела. Словно радость из огня. За беседой мы целовались и придвигались все ближе друг к другу. Довольно сильно разогрелись и решили лечь в постель. И лишь когда Кэсс сняла платье с высоким воротником, я увидел его – уродливый зазубренный шрам поперек горла. Длинный и толстый.

– Чтоб тебе, женщина, – сказал я с кровати, – черт бы тебя драл, что ты натворила?

– Как-то ночью попробовала разбитой бутылкой. Я тебе больше не нравлюсь? Я по-прежнему красивая?

Я притянул ее к себе на кровать и поцеловал. Она оттолкнула меня, рассмеялась:

– Некоторые платят десятку, а потом я раздеваюсь, и им уже не хочется. Десятку я оставляю. Очень смешно.

– Да, – сказал я. – Просто умора... Кэсс, сука, я же тебя люблю... хватит себя уничтожать; живее тебя я никого не встречал.

Мы снова поцеловались. Кэсс плакала – без единого звука. Слезы я чувствовал. Эти ее длинные черные волосы лежали у меня за спиной, будто флаг смерти. Мы слились и медленно, торжественно и чудесно любили друг друга.

Утром Кэсс готовила завтрак. Вроде бы спокойная и счастливая. Пела. Я валялся в постели и наслаждался ее счастьем. Наконец она подошла и растолкала меня:

– Подъем, сволочь! Плесни себе на рожу и пипиську холодной воды да иди уже пировать!

В тот день я отвез ее на пляж. День стоял рабочий и не вполне летний, поэтому берег был великолепно пуст. Пляжные бичи в лохмотьях дрыхли на лужайках над полосой песка. Другие сидели на каменных скамьях с одинокой бутылкой. Кружили чайки, безмозглые, но рассеянные. Старухи лет по 70–80 рассиживали на лавках и обсуждали продажу недвижимости, оставленной мужьями, что давным-давно сдохли от гонки и глупости выживания. По всему по этому в воздухе разливался мир, и мы бродили по пляжу, валялись на лужайках и почти не разговаривали. Хорошо быть вместе, и все. Я купил пару сэндвичей, чипсы и чего-то попить, мы сели на песок и поели. Потом я обнял Кэсс, и мы поспали часик. Так было почему-то лучше, чем заниматься любовью. Мы текли вместе без напряжения. Проснувшись, снова поехали ко мне, я приготовил ужин. После него предложил Кэсс жить вместе. Она долго сидела, смотрела на меня, потом медленно ответила:

– Нет.

Я отвез ее обратно в бар, купил ей выпить и ушел. На следующий день устроился фасовщиком на фабрику и весь остаток недели ходил на работу. Уставал я так, что не особо пошляешься, но в ту пятницу все равно поехал в бар на Западной Окраине. Сел и стал ждать Кэсс. Шли часы. Когда я уже надрался, бармен мне сказал:

– Жалко, что так с твоей девчонкой вышло.

– Что вышло? – не понял я.

– Прости. Ты что, не знал?

– Нет.

– Самоубийство. Вчера похоронили.

– Похоронили? – переспросил я.

Казалось, моргни – и она войдет. Как же ее может больше не быть?

– Сестры похоронили.

– Самоубийство? А как, не знаешь?

– Горло перерезала.

– Понятно. Налей-ка мне еще.

Я пил до самого закрытия. Кэсс, самая красивая из 5 сестер, самая красивая в городе. Мне удалось доехать до себя, а из головы не шла мысль: надо было *заставить* ее остаться со мной, а не принимать это ее «нет». Все в ней говорило, что я ей небезразличен. Но я слишком небрежен, ленив, слишком черств. Заслуживаю и ее смерти, и своей. Собака я. Нет, зачем собак обижать? Я встал, отыскал бутылку вина и глубоко глотнул из горла. Кэсс, первая красotka в городе, умерла в 20 лет.

Снаружи кто-то давил на клаксон. Очень громко и настойчиво. Я поставил бутылку на пол и заорал в окно:

– ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ДРАЛ, ПАДЛА, ЗАТКНИСЬ!

Ночь наступала себе дальше, и тут уж ничего не поделать.

Бифштекс из звездной пыли

Удача моя снова скисла, и я тогда слишком дерганый был от чрезмерного винопития; шары дикие, сил нет; слишком паршиво все, искать обычного перестоя особо не поищешь, какой-нибудь спокойной работенки типа экспедитора или кладовщика, поэтому я пошел на мясокомбинат, захожу прямо в контору.

а я тебя раньше нигде не видел? спрашивает мужик.

не-а, соврал я.

я там уже был года 2 или 3 назад, прошел всю волокиту, сдал анализы и прочее, меня повели вниз по лестнице, 4 пролета, а там все холоднее, и полы в крови, зеленые полы, зеленые стены. мне объяснили, что делать – нажимать кнопку, и тогда из дыры в стене грохочет так, будто защитники на поле столкнулись или слон попал в капкан, и оно выползает – что-то дохлое, много дохлятины, кровавое, и мужик мне показал: берешь и кидаешь на грузовик, а потом опять жмешь кнопку, и выползает еще, а потом ушел. едва он скрылся, я снял робу, каску, сапоги (выдали на 3 размера меньше), поднялся по лестнице и свалил. а теперь вот вернулся – снова застрял.

староват ты для такой работы.

хочу немного подкачаться. мне нужна тяжелая работа, хорошая трудная работа, соврал я. а справишься?

сплошные мускулы. я раньше на ринге дрался. с лучшими.

вот как?

ага.

mmm, по роже видать. должно быть, круто приходилось.

да что там рожа. у меня были быстрые руки. и до сих пор быстрые. надо было хоть что-то ловить, а то бы скверно выглядело.

я слежу за боксом. что-то имени твоего не припоминаю.

я под другим дрался – Пацан Звездная Пыль.

Пацан Звездная Пыль? не помню я Пацана Звездную Пыль.

я дрался в Южной Америке, в Африке, в Европе, на островах. в глуши, в общем. поэтому у меня в трудовой такие пробелы – не люблю писать «боксер», тогда все думают, я или шучу, или вру. оставляю пробелы, и ну его на хер.

ладно, приходи на медкомиссию. в 9:30 завтра утром, определим тебя на работу. говоришь, потяжелее хочешь?

ну, если у вас что-нибудь еще есть...

нет, сейчас нету. знаешь, тебе на вид уже полтинник. прямо не знаю, правильно ли я делаю. мы здесь не любим, когда вы тратите наше время.

я не мы – я Пацан Звездная Пыль.

ладно, пацан, рассмеялся он, будет тебе РАБОТА!

не понравилось мне, как он это сказал.

2 дня спустя я через проходную вошел в деревянный сарай, где показал какому-то деду квиток, на котором стояло мое имя: Генри Чарльз Буковски-мл., – и он отправил меня к погрузочной рампе, а там следовало найти Турмана. я пошел. на деревянной скамейке сидели в ряд мужики – посмотрели на меня так, будто я гомосексуалист или инвалид в коляске.

я же одарил их легким, на мой взгляд, презрением и протянул как мог трущобней:

де тут Турман? сказали найти.

кто-то показал.

Турман?

ну?

я у вас работаю.

ну?

ну.

он посмотрел на меня.

а сапоги где?

сапоги?

нету, ответил я.

он сунул руку под лавку и протянул мне пару. старых жестких задубевших сапог. я их натянул. та же история: на 3 размера меньше. пальцы у меня расплющились и согнулись.

затем он вручил мне окровавленную робу и жестяную каску. я стоял перед ним, а он закуривал или, как сказали бы англичане, поджигал сигарету. спичку он выкинул спокойным и мужским росчерком руки.

пошли.

там сидели одни негры, и, когда я подошел, все на меня посмотрели так, будто они черные мусульмане. во мне почти шесть футов росту, они же все были выше меня, а если и не выше, то в 2–3 раза шире.

Чарли! завопил Турман.

Чарли, подумал я. Чарли, совсем как я, это славно.

под каской я уже весь вспотел.

дай ему РАБОТУ!

господи боже мой, о господи ты ж боже мой, во что превратятся милые и легкие вечера? почему такого не случается с Уолтером Уинчеллом¹, верующим в Американский Путь? я ли не был самым блестящим студентом на курсе антропологии? что же произошло?

Чарли подвел меня к платформе и поставил перед пустым грузовиком в полквартиры длиной.

обожди тут.

подбежало несколько черных мусульман с тачками, клочковато и бугристо белыми, будто краску смешали с куриным пометом. в каждой навалено по куче окороков, плававших в водянистой сукровице. нет, они в ней даже не плавали, они в ней расселись, будто свинцовые, будто пушечные ядра, будто смерть.

один парень запрыгнул в кузов у меня за спиной, а другой начал швырять в меня эти окорока, я их ловил и перекидывал тому, что сзади, он поворачивался и забрасывал их в кузов. окорока прилетали быстро, БЫСТРО, тяжелые, и каждый новый тяжелее прежнего. едва я избавлялся от одного, в воздухе уже свистел следующий. я понимал – меня пытаются сломать. скоро я уже потел – потел так, будто все краны развинтили, спина болела, запястья болели, руки ныли, все ныло, а дохлая энергия истощилась до последней невозможной унции. я еле-еле видел, едва мог собраться и поймать хотя бы еще один окорок, а потом кинуть его дальше, хоть еще один да кинуть. меня всего забрызгало кровью, в руки все время прилетал мягкий, мертвый, тяжелый ПЛЮХ, окорок слегка подавался, как женская задница, а я слишком обессилел, не мог даже сказать, эй, да что это с вами, НА ХЕР, такое, парни? Окорока летят, а я верчусь, пригвожденный, как тот мужик на кресте, под жестяной каской, а те знай бегают себе с тачками окороков окороков окороков, и вот наконец все пустые, а я стою, покачиваюсь и соплю, всасывая желтый электрический свет. то была ночь в преисподней. что ж, мне всегда нравилась ночная работа.

давай!

---

¹ Уолтер Уинчелл (1897 – 1972) – американский журналист, чьи газетные колонки «На Бродвее» (1924 – 1963) и радиопередачи (1932 – 1953) рассказывали об индустрии развлечений и политике. Считается «отцом» колонок сплетен и светской хроники. (Здесь и далее прим. переводчика.)

меня отвели на другой склад. наверху сквозь здоровенную дыру в дальней стене – полбычка, а может, и целый бычок, да, оттуда лезли бычки целиком, точно, со всеми четырьмя ногами, и один как раз вылезал на крюке из стены, его только что зарезали, мало того, тормозит прямо надо мной, повис у меня над головой на этом крюке.

его только что убили, подумал я, только что проклятушую тварь зарезали. как они людей от бычков отличают? откуда им знать, что я не бычок?

ЛАДНО – КАЧАЙ!

качать?

во-во – ТАНЦУЙ С НИМ!

чего?

ох ты господи боже мой! ДЖОРДЖ, иди сюда!

Джордж подлез под мертвого бычка. сграбастал его. РАЗ. побежал вперед. ДВА. побежал назад. ТРИ. побежал дальше вперед. бычок завис почти параллельно земле. кто-то нажал на кнопку, и хват. бычок захвачен для всех мясников мира. захвачен на потребу дуркующим сплетницам, хорошо отдохнувшим глупым домохозяйкам мира, что в 2 часа дня в халатиках сосут вывоженные красные сигареты и почти ничего уже не чувствуют.

меня засунули под следующего.

РАЗ.

ДВА.

ТРИ.

он у меня в руках. его мертвые кости против моих живых, его мертвое мясо против моего живого, и пока эти кости и эта тяжесть впивались в меня, я думал об операх Вагнера, о холодном пиве, думал о манящей пиздешке, что сидит на диванчике напротив нога на ногу, задрав юбку повыше, а у меня в руке стакан, и я медленно, но верно убалтываю ее, пробираясь в пустой разум ее тела, и тут Чарли заорал ВЕШАЙ ЕЕ В КУЗОВ!

я зашагал к грузовику. из стыда перед поражением, это мне, мальчишке, преподали еще на школьных дворах Америки, я знал, я ни за что не должен уронить тушу на землю, ибо это верный признак того, что я трусил, я не мужик, а стало быть – заслуживаю немногого, лишь презрительных ухмылок, насмешек да трепки, в Америке надо быть победителем, выхода никакого нет, надо выучиться драться ни за что, ничего не спрашивать, а кроме того, если я бычка уроню, придется его поднимать. и он испачкается. А я не хочу, чтоб он пачкался, или скорее они не хотят, чтоб он пачкался.

я вошел в крытый кузов.

ВЕШАЙ!

крюк в потолке оказался тупым, точь-в-точь большой палец с сорванным ногтем. зад бычка оттягиваешь назад и целишься вверх, суешь его хребтом на крюк снова и снова, а крюк не проходит. МАТЬ ТВОЮ В ЖОПУ!!! одна щетина и сало, жестко, жестко все.

ДАВАЙ! ДАВАЙ ЖЕ!

я выдавил из себя весь последний запас сил, и крюк вошел, прекрасное зрелище, диво, как крюк вонзается, бычок этот висит сам по себе, с плеч долой, висит на потребу халатикам и бакалейным сплетням.

ШЕВЕЛИ МОСЛАМИ!

285-фунтовый негритос, наглый, резкий, четкий, убийственный, вошел в кузов, щелчком подвесил свое мясо, свысока взглянул на меня.

у нас цепочка!

лады, командир.

я вышел вперед него. меня уже поджидал следующий бычок. всякий раз, загружая его на плечи, я был уверен, что это последний, больше не справится, но я все время повторял еще один

один – и все
а потом
бросаю.
на
хуй.

они ведь ждут, чтоб я все бросил, я читал это по глазам, по улыбкам, когда они думали, что я не вижу. не хотелось дарить им победу. я пошел за следующим бычком. игрок до последнего вздоха, до последнего рывка некогда блиставшего игрока – я кинулся на мясо.

прошло 2 часа, и тут кто-то завопил ПЕРЕРЫВ.

я не умер. отдохну минут десять, кофейку выпью, и им меня уже отсюда не выкинуть. следом за ними я зашагал к подъехавшему обеденному киоску. я видел, как в ночи от бачка с кофе подымается пар; видел пончики, сигареты, бисквиты и сэндвичи под электролампочками.

ЭЙ, ТЫ!

кричал Чарли. Чарли, как и я.
чего, Чарли?

пока на перерыв не ушел, залезь-ка в грузовик, выведи его отсюда и поставь к рампе 18. мы его только что загрузили, этот грузовик в полквартала длиной. рампа 18 находилась на другой стороне грузового двора.

дверцу открыть мне удалось, залезть в кабину – тоже. внутри мягкое кожаное сиденье, такое славное, что я сразу понял – если себе не дать бой, я мгновенно закемарю. водить грузовики я не умел. глянул вниз: полдюжины сцеплений, тормозов, педалей и прочего. я повернул ключ – машина таки завелась. потыкал в педали, подергал сцепления, пока грузовик не покатился, и повел его через весь двор к рампе 18, а сам все думал – когда я вернусь, киоск уже уедет. трагедия, просто трагедия. я припарковал грузовик, заглушил мотор и еще минутку посидел, впитывая добрую мягкость кожаного сиденья. потом открыл дверцу и вылез. промахнулся мимо ступеньки, или что там должно было торчать, и шлепнулся наземь всей этой окровавленной робой и в бога душу мать каской как подстреленный. больно не было, я ничего не почувствовал. поднялся я как раз в ту минуту, когда киоск вырливал за ворота на дорогу. остальные возвращались к рампе, хохоча и закуривая.

я снял сапоги, снял робу, каску и направился ко временке у проходной, швырнул робу, каску и сапоги на стойку. старик взглянул на меня:

как? бросаешь такую ХОРОШУЮ работу?

скажи им, чтоб переслали мне чек за 2 часа по почте или засунули его себе в жопу, мне плевать!

я вышел наружу. перешел через дорогу в мексиканский бар, выпил там пива и сел в автобус до дому. всеамериканский школьный двор снова меня выставил.

Жизнь в тeхасском борделе

Я слез с автобуса в этой тeхасской дыре, стоял жуткий холод, а у меня запор, но вот поди ж ты – комната здоровенная, чистая, всего \$5 в неделю, к тому же с камином, и только я разла-тался, как залетает в комнату этот черный дедуля и ну кочергой такой длинной в камине шуру-дить. Дровишек-то не было, вот я и думаю: чего это он тут кочергой своей в моем камине рас-шурудился? А он смотрит на меня, крантик свой в кулачке зажал и шипит этак вот: «иссссссс, иссссссс!» И я подумал: что ж, он с чего-то решил, что я распиздяй залетный, но поскольку я не из таких, то помочь ему ничем не могу. М-да, подумал я, таков весь мир, так уж он устроен. Он навил еще несколько кругов по комнате со своей кочергой, потом отчалил.

После чего я забрался в постель. От автобусных перегонов у меня всегда запор – и бес-сонница к тому же, впрочем, бессонница у меня постоянно.

В общем, только дедуля с кочергой из комнаты вымелся, я растянулся на кровати и поду-мал: ну вот, может, через несколько дней и опростаюсь.

Тут дверь открывается снова, и заходит такое нехило втаренное существо, женского пола, опускается на колени и давай полы драить, а задница у нее так и ходит, так и ходит, так и ходит, а она полы-то все драит и драит.

– Славная девчушка нужна? – спрашивает.

– Нет. Подыхаю от усталости. Только что с автобуса. Мне отоспаться надо.

– А милая жопка тебя как раз и убаюкает. К тому же – всего пятерка.

– Я устал.

– Хорошая чистенькая девчушка.

– Где она?

– Это я.

Она поднялась с колен и повернулась ко мне.

– Прости, но я правда слишком устал.

– Всего \$2.

– Нет, извини.

Она вышла. Через несколько минут я услышал голос этого мужика:

– Так, говоришь, жопу свою ему толкнуть не смогла? Да мы дали ему лучший номер всего за пятерку. И ты теперь мне говоришь, что не смогла ему толкнуть жопу?

– Бруно, я пыталась! Чес-слово, ей-бо, пыталась, Бруно!

– Блядина ты грязная!

Я знал этот звук. Не пощечина. Хорошим сутенерам по большинству не безразлично, есть бланш на лице или нет. Они бьют по щеке, чтобы пришлось пониже, но подальше от глаза и рта. У Бруно, должно быть, неслабая конюшня. То определенно был удар кулака о голову. Женщина взвыла, ударилась о стену, а братец Бруно заехал ей еще разок, аж стена вздрогнула. Так она и отскакивала, то от стены, то от кулаков, и орала, а я потягивался в постели и думал: н-да, жизнь иногда и впрямь занимательна, но что-то не *очень* мне охота все это слушать. Если б я знал, что так все обернется, я б ей уделил.

Потом я заснул.

Наутро встал, оделся. Естественно, оделся. Но просрать все равно не получалось. Поэтому я вышел на улицу и стал искать фотомастерские. Зашел в первую.

– Слушаю вас, сэр? Хотите сняться на карточку?

Она неплохо выглядела – рыжие волосы, улыбается мне снизу вверх.

– С такой-то рожей – зачем мне на карточку сниматься? Я ищу Глорию Уэстхейвен.

– Я Глория Уэстхейвен, – ответила она, закинула ногу на ногу и поддержнула юбку. А я думал, нужно сдохнуть, чтобы попасть в рай.

– Что это с вами такое? – спросил я ее. – Какая вы Глория Уэстхейвен? Я познакомился с Глорией Уэстхейвен в автобусе из Лос-Анджелеса.

– А у нее *что*?

– Я слыхал, у ее матери тут фотостудия. Пытаюсь вот ее найти. В автобусе между нами кое-что было.

– Хотите сказать, что в автобусе между вами ничего не было?

– Мы с нею познакомились. Когда она выходила, у нее в глазах стояли слезы. Я доехал до самого Нового Орлеана, потом сел на автобус обратно. Ни одна женщина раньше из-за меня не плакала.

– Может, она плакала из-за чего другого.

– Я тоже так думал, пока остальные пассажиры не начали меня материть.

– И вы знаете только, что у ее матери тут фотостудия?

– Только это и знаю.

– Ладно, слушайте, я знакома с редактором главной газеты в этом городе.

– Меня это не удивляет, – заметил я, глядя на ее ноги.

– Хорошо, напишите мне, как вас зовут и где остановились. Я ему позвоню и расскажу, что с вами случилось, только придется кое-что изменить. Вы познакомились в самолете, понятно? Любовь в небесах. Потом вы расстались и потеряли друг друга, понятно? И прилетели аж из самого Нового Орлеана, зная только, что у ее матери тут фотостудия. Ясно? Завтра утром напечатают в колонке «М – К –». Договорились?

– Договорились, – ответил я. Кинул прощальный взгляд на эти ноги и вышел, а она уже набирала номер. Вот я во 2-м или 3-м крупнейшем городе Техаса – и он у меня в кармане. Я направился к ближайшему бару...

Внутри было довольнолюдно для такого часа. Я устроился на единственном свободном табурете. Ну, не совсем, потому что свободных табуретов было два – по бокам какого-то здорового парняги. Лет 25, больше 6 футов росту и чистого весу фунтов 270. Значит, сел я на табурет и взял пива. Выпил стакан, заказал другой.

– Вот когда *так* пьют, мне нравится, – произнес парняга. – А то эти задроты сидят, один стакан сосут целую вечность. Мне нравится, как ты себя держишь, чужак. Чем занимаешься и откуда ты?

– Ничем не занимаюсь, – ответил я, – и я из Калифорнии.

– Думаешь чем-нибудь заняться?

– Не-а, не думаю. Тусуюсь вот.

Я отпил половину второго стакана.

– Ты мне нравишься, чужак, – сказал парняга, – поэтому я тебе доверюсь. Но скажу на ушко, потому что, хоть я бык и здоровый, боюсь, перевес слегка не на нашей стороне.

– Запуливай, – сказал я.

Парняга склонился к моему уху.

– Техасцы – говно, – прошептал он.

Я огляделся и тихонько кивнул: да, мол.

Когда его кулак долетел до цели, я очутился под одним из тех столиков, которые по вечерам обслуживает официантка. Я выполз, платком вытер рот, посмотрел, как весь бар грегочет, и вышел наружу...

В гостиницу я войти не смог. Из-под двери торчала газета, а сама дверь была чуть-чуть приотворена.

– Эй, впустите меня, – сказал я.

– Ты кто? – спросили меня.

– Из 102-го. Уплачено за неделю вперед. Фамилия Буковски.

– А ты не в сапогах, а?

- В сапогах? С какой стати?
- Рейнджеры.
- Рейнджеры? Это чего еще?
- Тогда заходи, – ответили мне...

Не провел я в номере и десяти минут, как уже лежал в постели, подобрав вокруг себя эту сетку. Вся кровать – сама по себе немалая, да еще и с крышей – была обмотана сеткой. Я ее подобрал с краев и улегся в самой середине, а сетка вокруг. От этого я себя прямо педрилой каким-то почувствовал, но, учитывая ход событий, можно и педрилой. Мало того, в двери повернулся ключ, и она отворилась. На сей раз вошла приземистая и широкая негритянка с довольно-таки доброй физиономией и совершенно необъятным задом.

И вот эта большая добрая черная деваха откидывает мою педрильную сетку и воркует:

– Дорогуша, пора простынки менять.

А я ей:

– Так я же вчера только заехал.

– Дорогуша, здесь мы не по твоему распорядку простынки меняем. Давай вытаскивай розовую попку и не мешай мне работать.

– Угу, – сказал я и выпрыгнул из постели в чем мама родила. Деваху это, похоже, не смутило.

– Хорошая у тебя кроватка, дорогуша, – сообщила она. – У тебя во всем отеле лучший номер и лучшая кроватка.

– Наверное, мне повезло.

Расправляет она простыни, а сама мне весь свой зад на обозрение выставила. Продемонстрировала, значит, потом поворачивается и спрашивает:

– Ладно, дорогуша, простынки я постелила. Что-нибудь еще надо?

– Ну, 12–15 кварт пивка бы не помешали.

– Принесу. Только денежки вперед.

Я дал ей денег и прикинул: ну, поехали. Лег, педрильно подоткнул под себя со всех сторон эту сетку и решил: утро вечера мудренее. Но широкая черная горничная вернулась, я снова откинул сетку, и мы сели болтать и пить пиво.

– Расскажи мне о себе, – попросил я.

Она захохотала и рассказала. Конечно, в жизни ей пришлось несладко. Уж и не знаю, сколько мы так пили. В конце концов она залезла под эту сетку и выебла меня так, как мне редко в жизни доводилось...

Назавтра я поднялся, прошелся по улице и купил газету: вот она, в колонке популярного обозревателя. Упоминалось и мое имя. Чарльз Буковски, прозаик, журналист, путешественник. Мы познакомились в воздухе, милая дамочка и я, и она приземлилась в Техасе, а я отправился дальше в Новый Орлеан выполнять задание редакции. Но прилетел обратно, поскольку милая дамочка не шла у меня из головы. Зная только, что у ее матери здесь фотостудия.

Я вернулся в гостиницу, раздобыл пинту виски и 5 или 6 кварт пива и наконец *просрался* – что за радостное действо! Должно быть, колонка повлияла.

Я снова забрался под сетку. Тут зазвонил телефон. Отводная трубка. Я выпростал руку и снял.

– Вам звонят, мистер Буковски. Редактор «М – К –». Разговаривать будете?

– Буду, – ответил я, – алё.

– Вы – Чарльз Буковски?

– Да.

– Как вы оказались в такой дыре?

– Вы о чем? Люди здесь довольно славные, я погляжу.

– Это самый паршивый бордель в городе. Мы уже 15 лет пытаемся выжить их отсюда.

Что вас туда привело?

– Было холодно. Я поселился в первой попавшейся гостинице. Сошел с автобуса, а здесь холодища.

– Вы прилетели на самолете. Не забыли?

– Не забыл.

– Хорошо, у меня есть адрес вашей дамочки. Надо?

– Надо, если не возражаете. Если не хотите давать, ну его на фиг.

– Я просто не понимаю, зачем вы живете в такой дыре.

– Ладно, вы – редактор самой большой газеты в этом городе и звоните мне, а я в техасском борделе. Слушайте, давайте расстанемся, и все. Барышня плакала или что-то вроде; мне запало в душу. Я уеду отсюда первым же автобусом.

– Подождите!

– Чего ждать?

– Я дам вам ее адрес. Она прочла колонку. Прочла между строк. Позвонила мне. Она хочет вас увидеть. Я ей не сказал, где вы остановились. У нас в Техасе народ гостеприимный.

– Да, я как-то вечером зашел в один ваш бар. На себе почувствовал.

– Вы еще и пьете?

– Не просто пью – запоем.

– Мне кажется, не стоит давать вам адрес этой девушки.

– Так забудьте тогда про все это к ебене матери, – сказал я и повесил трубку...

Телефон зазвонил снова.

– Вам звонок, мистер Буковски, от редактора «М – К –».

– Давайте его сюда.

– Слушайте, мистер Буковски, нам нужно продолжение вашей истории. Многие читатели интересуются.

– Скажите своему обозревателю, чтоб черпал из воображения.

– Послушайте, можно у вас спросить, чем вы зарабатываете на хлеб?

– Ничем не зарабатываю.

– Разъезжаете на автобусах и доводите девушек до слез?

– Это не всякому дано.

– Послушайте, я готов рискнуть. Я вам дам ее адрес. Сгоняйте и встретитесь с нею.

– А может, это я рискую?

Он продиктовал мне адрес.

– Вам рассказать, как туда добраться?

– Не стоит. Если я бордель тут отыскал, и ее дом найду.

– Мне в вас что-то не очень нравится, – сказал он.

– Да идите вы... Если у нее жопа что надо, я вам позвоню.

И повесил трубку...

У нее оказался маленький бурый домик. Дверь открыла какая-то старушка.

– Я ищу Чарльза Буковски, – сообщил я. – Нет, прошу прощения, – сказал я. – Я ищу некую Глорию Уэстхейвен.

– Я ее мама, – ответила старушка. – А вы – человек из аэроплана?

– Я человек из автобуса.

– Глория прочла колонку. Она сразу поняла, что это вы.

– Чудесно. Что теперь будем делать?

– Ой, заходите же.

Я зашел же.

– Глория! – завопила старушка.

Вышла Глория. Нормально выглядит, но все равно. Типичная рыжая техасская бабца, кровь с молоком.

– Проходите сюда, прошу вас, – сказала она. – Извини нас, мама.

Она завела меня к себе в спальню, но дверь не закрыла. Мы сели – подальше друг от друга.

– Чем занимаетесь? – спросила она.

– Я писатель.

– О, как мило! Где публиковались?

– Я не публиковался.

– Значит, в некотором смысле, вы не совсем писатель.

– Точно. И живу я в борделе.

– Что?

– Я сказал, что вы правы, я в самом деле не писатель.

– Нет, я про другое.

– Я живу в борделе.

– Всегда живете в борделях?

– Нет.

– А почему вы не в армии?

– Не прошел мозгоправа.

– Шутите.

– Рад, что нет.

– Не хотите воевать?

– Нет.

– Они Пёрл-Харбор разбомбили.

– Слыхал.

– Вам не хочется воевать против Адольфа Гитлера?

– Не очень. Пусть лучше кто-нибудь другой.

– Вы трус.

– Да, трус, но дело не в том, что мне противно убивать человека, – я не люблю спать в казарме, где храпит куча народу, а потом чтоб меня будил своим горном какой-нибудь безмозглый недоебок, и мне не нравится носить это чесучее унылое говно защитного цвета: кожа у меня чувствительная.

– Я рада, что у вас хоть что-то чувствительное.

– Я тоже рад, но лучше б не кожа.

– Может, вам следует кожей и писать.

– Может, вам следует писать своей пиздой.

– Вы подлец. И трус. Кто-то ведь должен обратить вспять фашистские орды. Я помолвлена с лейтенантом Флота США, и, если б он сейчас был здесь, он бы вас хорошенько проучил.

– Это уж точно, и я тогда стал бы еще подлее.

– По крайней мере, он показал бы вам, как быть джентльменом с дамами.

– Вы, наверное, правы. Если б я убил Муссолини, я бы стал джентльменом?

– Конечно.

– Пойду запишусь немедленно.

– Вас не взяли. Сами признались.

– Признался.

Мы оба долго сидели молча. Потом я сказал:

– Слушайте, вы не против, если я у вас кое-что спрошу?

– Давайте, – отозвалась она.

– Почему вы попросили меня сойти вместе с вами с автобуса? И почему заплакали, когда я не вышел?

– Ну, у вас лицо такое. Чуть-чуть уродливое, знаете?

– Да, знаю.

– Ну, оно уродливое и еще трагичное. Мне просто не хотелось отпускать от себя эту вашу «трагедию». Мне стало вас жалко, вот я и заплакала. Как у вас лицо стало таким трагичным?

– Ох ты ж господи боже мой, – сказал я, затем встал и вышел вон.

И шел пешком до самого борделя. Парень на дверях узнал меня:

– Эй, чемпион, где губу расквасили?

– Да из-за Техаса вот схлестнулись.

– Из-за Техаса? А ты был за или против Техаса?

– За, конечно.

– Умнеешь, чемпион.

– А то.

Я поднялся, сел на телефон и велел парню набрать мне редактора газеты.

– Это Буковски, друг мой.

– Вы встретились с девушкой?

– Я встретился с девушкой.

– Как получилось?

– Прекрасно. Прекраснее некуда. Наверное, целый час дробил. Так и скажите своему обозревателю.

И повесил трубку.

Спустился, вышел наружу и отыскал тот же бар. Ничего не изменилось. Здоровенный парняга по-прежнему сидел на месте, по пустому табурету с боков. Я сел и заказал 2 пива. Первое выпил залпом. Затем отпил половину второго.

– А я тебя помню, – сказал парняга, – что там с тобой было?

– Кожа. Чувствительная.

– А ты меня помнишь? – спросил он.

– Я тебя помню.

– Я думал, ты сюда больше не вернешься.

– Вернулся. Сыграем?

– Мы тут в Техасе в игры не играем, чужак.

– Вот как?

– Ты по-прежнему думаешь, что техасцы – говно?

– Некоторые – да.

И я вновь оказался под столом. Вылез, встал и вышел. Пешком добрал до борделя.

На следующий день в газете написали, что Роман не удался. Якобы я улетел обратно в Новый Орлеан. Я собрал шмотки и пошел на автовокзал. Доехал до Нового Орлеана, нашел себе законную комнатешку и расположился. Пару недель хранил газетные вырезки, а потом выбросил. А вы бы что, оставили?

Шесть дюймов

Первые три месяца семейной жизни с Сарой были приемлемы, но, пожалуй, уже чуть погодя у нас пошли неприятности. Она хорошо готовила, и впервые за много лет я неплохо питался. Вес стал набирать. А Сара начала отпускать замечания.

– Ах, Генри, ты мне напоминаешь индюшку, которую фаршируют к Дню благодарения.

– Еще б, детка, – отвечал я.

Я работал экспедитором на складе автомобильных запчастей, и денег едва хватало. Единственные радости – пожрать, попить пивка и залечь с Сарой в постель. Не совсем полноценная жизнь, но мужик должен брать, чего дают. Сара – это уже много. На ней ясно читалось одно: С-Е-К-С. Я к ней хорошенько пригляделся на вечеринке для работников склада. Сара служила секретаршей. Я заметил, что никто из парней к ней и близко не подходит, и не понял почему. Я не видал женщины сексапильнее – да и душой она не казалась. Я подобрался к ней поближе, мы выпивали и беседовали. Она была прекрасна. Хотя в глазах что-то странное. Смотрит на тебя, а веки будто и не моргают. Когда она отправилась в уборную, я подошел к Гарри, водителю.

– Слышь, Гарри, – спросил я, – а почему парни к Саре не клеятся?

– Она ведьма, мужик, настоящая ведьма. Держись подальше.

– Ведьм, Гарри, не существует. Все это уже давно опровергли. Если кого сожгли на колу в старину – так это жестокая и ужасная ошибка. Не бывает никаких ведьм.

– Ну, может, кучу баб сожгли и неправильно, сказать не могу. Эта же сучка – точно ведьма, поверь мне на слово.

– Ей одного нужно, Гарри. Понимания.

– Жертв, – ответил Гарри. – Вот чего ей нужно.

– Откуда ты знаешь?

– Факты, – веско произнес Гарри. – У нас два парня работали. Мэнни, продавец. И Линкольн, экспедитор.

– И что с ними?

– Они как бы исчезли прямо на глазах – только медленно. Видно было, как они уходят, пропадают...

– В смысле?

– Не хочу я об этом говорить. А то еще подумаешь, что я рехнулся.

Гарри отошел. Потом из дамской комнаты вышла Сара. Выглядела она прекрасно.

– Что Гарри тебе про меня наговорил?

– Откуда ты знаешь, что я с Гарри разговаривал?

– Знаю, – ответила она.

– Он был немногословен.

– Что бы ни наплел, не бери в голову. Чушь это собачья. Я ему не дала, и он теперь ревнует. Любит говорить о людях гадости.

– Меня мнение Гарри нисколько не волнует, – сказал я.

– У нас с тобой все получится, Генри, – сказала она.

После вечеринки она пошла ко мне, и могу вам доложить: меня никто никогда так не трахал. Всем женщинам женщина. Примерно через месяц или около того мы поженились. Работу она бросила сразу, однако я ничего не сказал, поскольку радовался уже тому, что она со мной. Сара сама шила себе одежду, сама себя стригла. Замечательная женщина. Совершенно замечательная.

Но, как я уже сказал, еще через 3 месяца она стала выговаривать мне за лишний вес. Сначала добродушные подколки, затем презрительные насмешки. Вернулся я однажды вечером домой, а она говорит:

- Снимай свою дурацкую одежду!
- Что, моя дорогая?
- Я два раза не повторяю, ублюдок! Раздевайся!

Сара вела себя немного иначе, не как обычно. Я снял всю одежду и белье и кинул их на тахту. Сара не сводила с меня глаз.

- Кошмар, – произнесла она, – какая куча навоза!
- Что, дорогуща?
- Я сказала, что ты похож на здоровенный шмат говна!
- Послушай, милая, в чем дело? Тампон пора вставлять?
- Заткнись! Посмотри только, что у тебя по бокам свисает!

Она была права. С боков у меня и впрямь висели валики сала, над бедрами. Затем она сжала кулаки и жестко заехала мне по каждому боку несколько раз.

- Надо разбить эту срань! Раздробить жировую прослойку, размять клетки...

И постучала по мне еще несколько раз.

- Ой! Больно же!!!
- Хорошо! Теперь сам себя стукни!
- Сам себя?
- Бей же, черт!

Я несколько раз себя ударил, достаточно больно. А когда закончил, эти штуки по-прежнему висели по бокам, хотя довольно сильно покраснели.

- Мы это говно из тебя выведем, – сообщила мне Сара.

Я прикинул, что это у нее, должно быть, от любви, – и решил сотрудничать...

Сара начала считать мои калории. Отняла у меня все жареное, весь хлеб и всю картошку, всю заправку к салатам, но пиво я себе оставил. Следовало показать ей, кто у нас в семье носит брюки.

– Нет, черт возьми, – сказал я, – от пива я не откажусь. Я тебя очень люблю, но пиво останется со мной!

- Хорошо, – ответила Сара, – все равно у нас получится.
- Что получится?
- Мы снимем с тебя это говно, доведем тебя до желаемого размера.
- А желаемый размер – это сколько?
- Увидишь.

Каждый вечер, когда я возвращался домой, она задавала мне один и тот же вопрос:

- Ты сегодня стучал себя по бокам?
- Ох, еще как!
- Сколько раз?
- 400 по каждому, больно.

Я ходил по улицам и колотил себя по бокам. На меня оглядывались, но через некоторое время это перестало иметь значение, поскольку я знал: я чего-то добиваюсь, а они – нет...

Метода работала, причем изумительно. Я с 225 дошел до 197. Потом со 197 – до 184. Я чувствовал себя на десять лет моложе. Люди отмечали, как хорошо я стал выглядеть. Все, кроме Гарри-водилы. Но он, разумеется, просто ревновал, поскольку так и не смог забраться Саре в трусики. Но это уже – *его* непроходимость кишечника.

Как-то вечером на весах оказалось всего 179.

Я сказал Саре:

- Тебе не кажется, что мы уже достаточно сбросили? Посмотри на меня!

Эти штуки у меня по бокам давно исчезли. Брюхо втянулось. Щеки смотрелись так, будто я их всасываю.

– Согласно графикам, – сказала Сара, – согласно моим графикам, ты еще не достиг желаемого размера.

– Послушай, – сказал я ей, – во мне шесть футов росту. Какой при этом должен быть желаемый вес?

И тут Сара ответила мне довольно странно:

– Я не говорила «желаемый вес», я сказала «желаемый размер». Сейчас у нас – Новая Эра, Атомный Век, Космический, а самое главное – Век Перенаселения. Я – Спаситель Мира. У меня есть решение проблемы Взрыва Перенаселения. Загрязнением пускай занимаются другие. Корень – в решении Перенаселения: а это решит и Загрязнение, и все остальное.

– Что ты, блядь, мелешь? – спросил я, отколупывая крышку с пивной бутылки.

– Не волнуйся, – ответила она, – скоро узнаешь.

Потом, становясь на весы, я начал замечать, что, несмотря на потерю веса, я, кажется, ни на унцию не хую. Странно. А потом заметил, что брючины уже съезжают мне на башмаки – чуть-чуть, – а манжеты рубашек болтаются на кистях. По пути на работу я начал подмечать, что руль от меня как-то отдаляется. Пришлось даже сиденье приподнять.

Однажды вечером я забрался на весы.

155.

– Смотри, Сара.

– Что, дорогой?

– Я кое-чего не понимаю.

– Чего?

– Кажется, я ссыхаюсь.

– Ссыхаешься?

– Да, ссыхаюсь.

– Ох ты, дурашка! Это же невозможно! Как человек может ссыхаться? Ты что, правда считаешь, что от твоей диеты ссыхаются кости? Кости не тают! Снижение калорий только сокращает количество жира. Не будь идиотом! Ссыхаешься? Так не бывает!

И она расхохоталась.

– Ладно, – сказал я, – иди сюда. Вот карандаш. Я сейчас встану у стенки. Так мама мне делала, когда я был маленький. Рисуй на стене линию там, куда карандаш упрется, когда я голову уберу.

– Ладно, глупый, – согласилась она.

И провела черту.

Через неделю я уже дошел до 131. Все быстрее и быстрее.

– Иди сюда, Сара.

– Что, глупыш?

– Рисуй.

Она нарисовала. Я обернулся.

– Вот видишь, я за последнюю неделю потерял 24 фунта и 8 дюймов. Я таю! Во мне теперь 5 футов и 2 дюйма. Это безумие! Безумие! С меня довольно. Я тебя застукал – ты подрезала мои штанины, мои рукава. Номер не пройдет. Я опять начинаю есть. Мне кажется, ты *в самом деле* какая-то ведьма!

– Вот глупышка...

Вскоре меня вызвали к начальству.

Я вскарабкался на стул перед его столом.

– Генри Марксон Джоунз Второй?

– Слушаю, сэр?

– Вы действительно Генри Марксон Джоунз Второй?

– Разумеется, сэр.

– Ну что, Джоунз, мы тщательно за вами наблюдали. Боюсь, вы для этой работы больше не подходите. Нам очень не хотелось бы, чтоб вы так нас покидали... Я хочу сказать, что нам не хочется вас вот так отпускать, но...

– Послушайте, сэр, но я же всегда стараюсь, как могу.

– Мы знаем, что вы стараетесь, Джоунз, однако мужская работа вам больше не под силу.

И он меня уволил. Конечно, я знал, что получу свою компенсацию по безработице. Но все равно думаю, так выкидывать меня вон было мелко с его стороны...

Я остался дома с Сарой. Что еще хуже – она меня кормила. Дошло до того, что я больше не дотягивался до ручки холодильника. А потом она посадила меня на серебряную цепочку.

Скоро во мне осталось уже два фута. Чтобы посрать, надо было присаживаться на детский стульчик с горшочком. Но Сара по-прежнему разрешала мне пить пиво, как и обещала.

– Ах, мой маленький зверек, – говорила она, – какой ты маленький и славненький!

Даже наша любовная жизнь подошла к концу. Все растворилось пропорционально. Я взбирался на нее, но через некоторое время она меня снимала за шиворот и смеялась.

– Ах, ты попытался, мой маленький утенок!

– Я не *утенок*, я мужчина!

– Ох ты, мой славненький мужчинский мужичок!

И она подхватывала меня и целовала красными губами...

Сара довела меня до 6 дюймов. В магазин она меня носила в сумочке. Я мог разглядывать людей сквозь дырочки для вентиляции, которые она проковыряла. К чести этой женщины могу сказать одно. Пиво мне по-прежнему разрешалось. Теперь я пил его наперстками. Кварты хватало на месяц. Раньше кварта, бывало, приканчивалась минут за 45. Я смирился. Я понимал, захоти Сара – и я исчезну окончательно. Лучше уж 6 дюймов, чем ничего. Даже чуточкой жизни дорожишь, когда конец близок. Поэтому я развлекал Сару. Ничего больше не оставалось. Она шила мне крошечную одежду и обувь, сажала на радиоприемник, включала музыку и говорила:

– Танцуй, малютка! Танцуй, мой шут! Танцуй, мой дурачок!

Что ж, сходить и получить компенсацию по безработице я все равно не мог, поэтому приходилось танцевать на радиоприемнике, а Сара хлопала в ладоши и смеялась.

Знаете, пауки пугали меня ужасно, а мухи были размерами с гигантских орлов; если б я попался в лапы кошке, она мучила бы меня, как мышонка. Но жизнь по-прежнему была мне дорога. Я танцевал, пел и цеплялся за нее. Сколь мало бы человеку ни оставалось, однажды он понимает, что может обходиться еще меньшим. Когда я гадил на ковер, меня шлепали. Сара везде разложила листики бумаги, и я срал на них. И отрывал от них кусочки еще меньше – подтираться. На ощупь – как картон. У меня начался геморрой. По ночам я не спал. Чувствовал себя человеком второго сорта, осознавал, что попал в ловушку. Паранойя? Как бы то ни было, лучше становилось, когда я пел и танцевал, а Сара давала мне пиво. Она почему-то оставила мне эти шесть дюймов. Почему – выходило за рамки моего понимания. Впрочем, почти все остальное тоже теперь выходило за мои рамки.

Я сочинял Саре песенки, так их и называл: Песенки для Сары.

– о, я нахальный такой карапуз –
то есть покуда не разойдусь,

да никуда не засадишь дружка,
кроме игольного, на хуй, ушка!

Сара хлопала в ладоши и смеялась.

– хочешь адмиралом стать на королевском флоте?
отрасти до 6 дюймов и ебись...
сможешь умываться золотистым ливнем,
когда Королева делает пись-пись...

И Сара смеялась и аплодировала. А что, нормально. Как иначе...

Но как-то ночью случилось нечто отвратительное. Я пел и танцевал, а Сара валялась на кровати, голая, хлопала в ладоши, хлестала вино и хохотала. Я был в ударе. Один из лучших моих концертов. Но, как обычно случалось, крышка радиоприемника нагрелась и стала жечь мне пятки. Терпеть больше не было сил.

– Слушай, крошка, – сказал я, – с меня хватит. Сними меня отсюда. Дай мне пива. Вина не надо. Сама пей эту бормотуху. Дай мне наперсток моего хорошего пива.

– Конечно, сладенький мой, – ответила она, – ты сегодня чудесно выступал. Если б Мэнни с Линкольном выступали так же, сегодня были бы с нами. Но они ни петь, ни танцевать не хотели, они куксились. А хуже всего – они возражали против Последнего Акта.

– Что же это за Последний Акт?

– Пока, миленький мой, пей себе пиво и не напрягайся. Мне хочется, чтобы ты тоже насладился Последним Актом. Совершенно очевидно, ты гораздо талантливее Мэнни или Линкольна. Я в самом деле верю, что у нас с тобой может произойти Кульминация Противоположностей.

– Ох, ну еще бы, – сказал я, опустошая наперсток. – Налей-ка мне еще. И что же это за Кульминация Противоположностей такая?

– Пей пиво, не спеши, моя сладенькая малютка, скоро узнаешь.

Я допил пиво, а потом и произошла эта гадость, *самая* мерзостная гадость в жизни. Сара взяла меня и положила между ног, слегка их при этом раздвинув. Я оказался перед волосяной чащобой. Напряг спину и шею, понимая, что мне предстоит. И меня впихнули во тьму и вонь. Сара застонала. Затем начала мною медленно двигать – туда-сюда. Вонь, говорю, была непереносимая, дышалось едва-едва, но воздух там все-таки оставался – в каких-то закоулках и кислородных сквозняках. Время от времени голова моя, самая макушка, утыкалась в ее Лилипутика, и Сара испускала сверхпросветленный стон.

Сара задвигала мной быстрее и быстрее. Кожу начало жечь, дышать стало еще труднее; вонь усугубилась. Сара хватала ртом воздух. Мне пришло в голову, что чем скорее я с этим покончу, тем меньше буду мучиться. Всякий раз, когда она себя мной таранила, я изгибал спину и шею, вписываясь всем своим существом в этот ее поворот, стучаясь о Лилипутика.

Вдруг меня выдрали из ужасного тоннеля. Сара поднесла меня к лицу.

– Кончай, проклятое отродье! Кончай! – скомандовала она.

Сара совсем обалдела от вина и страсти. Я ощутил, как меня снова со свистом ввергают в тоннель. Она поспешно ерзала мной вперед и назад. Тут я неожиданно вобрал в легкие воздух, чтобы раздаться грудью, набрал в челюсти побольше слюны и выхаркнул – раз, другой, третий, 4, 5, 6 раз и прекратил... Вонь сгустилась сверх всякого воображения, и меня наконец извлекли наружу.

Сара поднесла меня к лампе и осыпала поцелуями всю голову и плечи.

– О дорогой мой! о мой драгоценный хуечек! Я тебя люблю!

И поцеловала меня своими кошмарными красными и накрашенными губами. Меня вырвало. Затем, утомленная вином и страстью, она забылась, положив меня между грудей. Я отдыхал и слушал, как бьется ее сердце. С этого своего проклятого поводка, с серебряной цепочки она меня отпустила, но какая разница. Едва ли я был свободен. Одна ее массивная грудь скатилась на сторону, и я вроде как лежал на самом сердце. На сердце ведьмы. Если я должен собой решить Взрыв Народонаселения, почему же я для нее просто развлечение, сексуальная игрушка? Я вытянулся на Саре, слушая стук сердца. Все-таки она ведьма. Потом я поднял голову. И знаете, что увидел? Поразительнейшую вещь. Наверху, в щелке под самым изголовьем. Шляпную булавку. Да, шляпную булавку, длинную, с такой круглой пурпурной стеклянной штукой на конце. Я прошел у Сары между грудей, вскарабкался по горлу, залез на подбородок (ценой немалых усилий), потом на цыпочках перешел губы, а потом она чуть шевельнулась, и я едва не свалился – пришлось даже за ноздрю схватиться. Очень медленно поднялся мимо правого глаза, – голова ее была слегка повернута влево, – и вот я уже на лбу, миновал висок и забрался в волосы – очень трудно сквозь них продираться. Затем встал и изо всех сил вытянулся, подтянулся – едва удалось схватиться за эту булавку. Спускаться оказалось быстрее, но опаснее. Несколько раз я чуть было не потерял равновесие с этой булавкой на плече. Свалился бы разок – и кранты. Несколько раз я не мог сдержаться и хохотал, настолько смешно все это было. Вот чем кончаются вечеринки в конторе, С Новым Годом.

Потом я снова оказался под этой массивной грудью. Положил булавку и прислушался. Я пытался точно уловить стук сердца. Определил место – аккуратно под небольшой коричневой родинкой. Затем встал во весь рост. Поднял шляпную булавку с ее пурпурной стеклянной головкой – такой красивой на свету от лампы. И подумал: а получится? Во мне всего 6 дюймов, а булавка раза в полтора меня больше. 9 дюймов, значит. Сердце, кажется, ближе.

Я поднял булавку над головой и всадил с размаху. Под самой родинкой.

Сара перевернулась и задергалась. Я держался за булавку. Сара меня чуть не скинула, а ведь пол, если брать в сравнительных размерах, – в тыще футов от меня, и такой полет меня бы точно прикончил. Я держался. С ее губ сорвался странный звук.

Затем всю ее передернуло, будто женщине стало зябко.

Я подтянулся и всадил оставшиеся 3 дюйма булавки ей в грудь, пока красивая пурпурная головка не уткнулась в самую кожу.

Затем Сара затихла. Я прислушался.

Услышал стук сердца: раз два, раз два, раз два, раз два, раз два, раз...

Остановилось.

А потом, цепляясь и хватаясь своими ручками убийцы за простыню, я слез на пол. Во мне оставалось 6 дюймов росту, я был реален, испуган и голоден. В жалюзи окна в спальне, смотревшего на восток, я обнаружил щель – она бежала от пола до потолка. Схватился за ветку кустарника, забрался, прополз по ней в куст. Никто больше не знал, что Сара умерла. Однако реальной пользы в этом не наблюдалось. Если я хочу жить дальше, надо найти чего бы поесть. Но я не мог отвязаться от мысли: как мое дело рассматривали бы в суде? Виновен? Я оторвал от листика и пожевал кусочек. Не годится. Едва ли. Потом во дворе к югу я заметил, как дамочка выставила тарелку с какой-то дрянью для своего кота. Я выполз из кустика и стал пробираться туда, следя, не движется ли кто, нет ли других зверей вокруг. На вкус дрянь оказалась гаже всего, что мне доводилось есть в жизни, но выбора не было. Я сожрал с кошачьей тарелки все, что в меня влезло, – у смерти вкус гораздо хуже. Потом дошел до куста и снова забрался внутрь.

Вот он я, решение проблемы Взрыва Народонаселения, болтаюсь на кустике, и пузо у меня набито кошачьей едой.

Дальнейшими подробностями я вас утомлять не хочу. Постоянно спасался от кошек, собак и крыс. Ощущал, как помаленьку расту. Наблюдал, как выносят тело Сары. Залез внутрь и понял, что еще слишком маленький и по-прежнему не достаю до ручки холодильника.

Был день, когда кот чуть было меня не сцапал – я ел из его миски. Пришлось делать ноги.

Во мне уже было 8 или десять дюймов. Я рос. Я уже пугал голубей. Когда можешь гонять голубей, уже знаешь – победа не за горами. Однажды я взял и помчался по улице, прячась в тени зданий, под заборами и прочей ерундой. Я так бежал и прятался, пока не достиг супермаркета; там у самого входа я спрятался под газетным киоском. Когда подошла большая женщина и перед ней открылась электрическая дверь, я проскользнул следом. Один кассир у двери поднял голову, когда я проходил мимо:

– Эй, а это еще что за чертовня?

– Какая? – переспросила покупательница.

– Мне что-то показалось, – ответил кассир, – а может, и нет. Нет, надеюсь, что да.

Мне как-то удалось незаметно прокрасться к ним на склад. Я спрятался за ящики с печеными бобами. Той же ночью вышел из укрытия и наелся до отвала. Картофельный салат, маринованные огурчики, ветчина с черным хлебом, чипсы и пиво, много пива. Дальше – больше. Целыми днями я прятался на складе, а ночью выходил и устраивал себе банкет. Но я рос, и прятаться становилось все труднее. Я пристрастился наблюдать, как управляющий каждый вечер складывает выручку в сейф. Уходил он последним. Каждый вечер, когда он убирал деньги, я считал паузы. Порядок вроде такой: 7 вправо, 6 влево, 4 вправо, 6 влево, 3 вправо, открыто. Каждую ночь я подходил к сейфу и подбирал цифры. Чтобы доставать до замка, приходилось строить что-то вроде лестницы из пустых коробок. Ничего не получалось, но попыток я не бросал. То есть каждую ночь. А тем временем рос быстро. Наверное, уже фута 3 было. Секция одежды в супермаркете оказалась невелика, приходилось втискиваться во что есть, на вырост. Проблема народонаселения возвращалась. А потом однажды ночью сейф открылся. Там лежало 23 тысячи долларов наличными. Должно быть, я попал на них перед самой сдачей денег в банк. Я прихватил ключ управляющего, чтобы выйти, не возбудив сигнализацию. Прошел немного вниз по улице и на неделю снял себе номер в мотеле «Закат». Барышне сказал, что работаю карликом в кино. Ей было неинтересно.

– Никакого телевидения или громких звуков после десяти вечера. Таковы у нас правила.

Она взяла у меня деньги, дала квитанцию и закрыла дверь.

На ключе было написано: «Комната 103». Я ее даже смотреть не стал. Двери мелькали мимо: 98, 99, 100, 101, а я шагал на север, к Голливудским Холмам, к тем горам, что за ними, и великий золотой свет Господа сиял мне, и вырастал.

Ебливая машина

Жаркая ночь у Тони стояла. о ебле даже думать лень – хлещешь холодное пиво, и все. Тони выставил парочку нам с Индейцем Майком, и Майк вытащил бабки. пусть хоть за первую заплатит. Тони выбил чек, скучая, оглядел заведение – 5 или шестеро сидят, стаканы свои изучают. олухи. поэтому Тони подвалил к нам.

– что нового, Тони? – спросил я.

– а-а, говно, – ответил Тони.

– это не ново.

– говно, – повторил Тони.

– а-а, говно, – подтвердил Индеец Майк.

мы отхлебнули пива.

– что ты думаешь о Луне? – спросил я Тони.

– говно, – ответил Тони.

– ага, – подтвердил Индеец Майк, – если на Земле мудака, то и на Луне мудаком останешься. без разницы.

– говорят, на Марсе и жизни-то нет, – сказал я.

– и? – спросил Тони.

– а, говно, – сказал я. – еще 2 пива.

Тони выставил, подошел за деньгами, выбил, вернулся на место.

– вот говно, жарыща-то. Уж лучше сдохнуть, как вчерашний «котекс».

– куда люди попадают после смерти, Тони?

– в говно. какая разница?

– ты не веришь в Человеческий Дух?

– говна мешок!

– а как же Че? Жанна д'Арк? Малыш Билли? такие вот?

– говна мешок!

мы пили пиво и обдумывали это замечание.

– слушайте, – сказал я, – мне надо поссать.

пошел к писсуару, а там, как обычно, торчал Филин Пити.

я извлек инструмент и начал ссать.

– какой у тебя хуй маленький, – сообщил мне Филин.

– когда я ссу или медитирую – да. но я отношусь к суперрастяжимому типу. когда я готов к бою, каждый дюйм, что у меня есть сейчас, приравнивается к шести.

– тогда хорошо, коли не врешь, потому что я вижу только два дюйма.

– это одна головка.

– я тебе заплачу доллар, если дашь отсосать.

– маловато.

– ты вытащил не только головку, ты вытащил вообще все, что у тебя есть.

– отъебись, Пит.

– ты еще ко мне прибежишь, когда деньги на пиво кончатся.

я вышел обратно.

– еще 2 пива, – заказал я.

Тони проделал весь номер снова, вернулся.

– такая жара, что я, наверно, рехнусь, – сказал он.

– жара заставляет тебя осознать свою подлинную сущность, – сказал я Тони.

– секундочку! ты что, меня чокнутым назвал?

– да мы все тут такие, только это держится в тайне.

– ладно, допустим, это говно твоё – правда: сколько тогда на земле здоровых людей? вообще хоть один остался?

– несколько.

– сколько?

– из миллиарда?

– да. да.

– ну, я бы сказал, 5–6.

– 5–6? – переспросил Индеец Майк. – соси мой хуй!

– слушай, – сказал Тони. – а откуда ты *знаешь*, что я псих? как нам это сходит с рук?

– ну, поскольку все мы психи, контролировать нас мало кто может, таких раз-два и обчелся, поэтому они нам дают порезвиться на воле. больше ничего пока не сделают. я неко-
торое время думал, что они найдут себе где жить в открытом космосе, а нас уничтожат. теперь же я знаю, что и космос психи контролируют.

– откуда знаешь?

– потому что они в Луну американский флаг воткнули.

– а если б русские русский воткнули?

– то же самое, – ответил я.

– а ты, значит, в стороне? – спросил Тони.

– я в стороне от безумия любой степени.

мы притихли. пили дальше. Тони тоже стал начислять себе скотча с водой. он-то *вправе*, он здесь хозяин.

– господи, какая жарница, – сказал Тони.

– да, говно, – подтвердил Индеец Майк.

затем Тони заговорил.

– безумие, – сказал Тони, – а знаете, вот в *эту* самую минуту тут происходит кое-что очень безумное!

– ну дак, – подтвердил я.

– нет-нет-нет... я имею в виду ПРЯМО ВОТ ТУТ, у меня!

– м-да?

– м-да. настолько безумное, что иногда самому страшно.

– рассказывай, Тони, – сказал я. меня же хлебом не корми – дай всякую херню послушать.

Тони склонился очень близко.

– я знаю, у одного парня здесь есть машина для ебли. не поебень из секс-журналов. не как в рекламе пишут. грелки там со сменной пиздой из теста и прочей еботой. парень в самом деле ее собрал. немецкий ученый, мы его заполучили, я имею в виду, наше пр-ство, пока русские его не сцапали. только никому ни слова.

– конечно, Тони, еще бы...

– Фон Брашлиц. наше пр-ство пыталось заинтересовать его КОСМОСОМ. фиг там. просто блистательный старый хрыч, но все мозги одной этой ЕБЛИВОЙ МАШИНОЙ забиты. И в тоже время считает себя каким-то художником, иногда себя даже Микеланджело называет... его списали на пенсию, на \$500,00 в месяц, чтоб только не помер и в психушку не загремел. некоторое время за ним присматривали, а потом им надоело или забыли про него, но чеки слали регулярно, и агент время от времени, где-то раз в месяц, заходил к нему поговорить минут двадцать, в отчете писал, что тот по-прежнему псих, потом отваливал. и вот он мотался по городам, мотался, везде за собой здоровенный красный чемодан таскал. наконец как-то вечером заруливает сюда и давай кидать. тележит мне, что он старый, устал, что ему нужно хорошее тихое местечко – проводить исследования. я от него отмазывался, как только мог. сюда много чокнутых захаживает, сами знаете.

– ага, – подтвердил я.

– тогда, чуваки, он надирается еще и выкладывает мне. он-де изобрел механическую бабу, которая мужика выебет лучше любой женщины в истории! плюс никаких «котексов», никакого говна, никаких наездов!

– я ишу, – сказал я, – такую бабу всю свою жизнь.

Тони рассмеялся:

– все ишут. я решил, что он ненормальный, конечно, но как-то ночью после закрытия он завел меня к себе в ночлежку и вытащил из красного чемодана свою ЕБЛИВУЮ МАШИНУ.

– и?

– будто в рай попадаешь, а не сдох.

– давай конец угадаю? – предложил я Тони.

– валяй.

– Фон Брашлиц и его ЕБЛИВАЯ МАШИНА сейчас у тебя наверху сидят.

– а-га, – протянул Тони.

– сколько?

– двадцатка с рыла.

– двадцать баксов с машиной по-ебаться?

– он превзошел все, что бы нас ни Создало. сами увидите.

– да Филин Пити у меня за доллар отсосет.

– Филин Пити-то ништяк, только он – не изобретение, которое положит богов на лопатки. я сунул ему 20.

– ну, Тони, гляди у меня: если ты это по жаре приколоться решил, считай, лучшего своего клиента ты уже потерял!

– ты же сам сказал, что мы тут все равно чокнутые. дело твое.

– правильно, – сказал я.

– правильно, – поддакнул Индеец Майк, – и вот мои 20.

– я только 50 процентов получаю, вы должны меня понять. остальное Фон Брашлицу идет. пенсия в 500 баксов – не сильно много с инфляцией и налогами, а Фон Б. к тому же шнапс хлещет как сумасшедший.

– пошли уже, – сказал я, – 40 баксов у тебя есть. где эта бессмертная ЕБЛИВАЯ МАШИНА?

Тони поднял створку в стойке и сказал:

– проходите сюда. подниметесь по задней лестнице – просто подниметесь, постучите, скажете: «нас Тони прислал».

– что, в любую дверь?

– № 69.

– ох ты ж черт, – сказал я. – ну еще бы.

– ох ты ж черт, – передразнил Тони. – лучше яйца в кулак собери.

мы нашли эту лестницу, поднялись.

– Тони прикола ради на все пойдет, – сказал я.

идем дальше, вот она – дверь № 69.

я постучал:

– нас прислал Тони.

– ах, заходите же, джентльмены!

сидит там такой старый похотливый шизик, в руке стакан шнапса, очки с двойными линзами. прямо как в старом кино. у него была, видимо, гостья – молоденькая, даже слишком молоденькая, на вид и хрупкая, и сильная.

она закинула ногу на ногу, мелькнув всем, чем надо: нейлоновые колени, нейлоновые ляжки, и вот этот крошечный просвет, где заканчиваются длинные чулки и едва намечается

полоска голого тела. она *вся* была сплошной попкой и грудями, нейлоновые ноги, смеющиеся иссиня-чистые глаза...

– джентльмены – моя дочь, Таня...

– что?

– ах да, знаю, я так... стар... но точно так же, как существует миф о черных с их вечно огромными елдаками, есть еще и миф о старых грязных немцах, которые никогда не прекращают ебстись. верьте во что хотите. это моя дочь Таня, так что...

– приветик, мальчики, – рассмеялась она.

тут мы все взглянули на дверь с надписью: КОМНАТА ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЕБЛИВОЙ МАШИНЫ.

он допил шнапс.

– так, значит... вы, мальчики, зашли ПОЕБАТЬСЯ как никогда в жизни, я?

– Папа! – сказала Таня. – неужели всегда нужно быть таким *грубым*?

Таня снова скрестила ноги, на сей раз задрав повыше, и я чуть не кончил.

потом профессор хлопнул еще стакан шнапса, встал и подошел к двери с надписью: КОМНАТА ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЕБЛИВОЙ МАШИНЫ. повернулся к нам, улыбнулся, а затем очень медленно отворил дверь, зашел внутрь и выкатил эту штуковину на какой-то больничной койке с колесиками.

совершенно ГОЛУЮ глыбу металла.

проф подкатил эту фиговину прямо к нам и замычал дурацкую песенку – вероятно, что-то из немецкого.

глыба металла с такой дырой посередине. у профессора в руке появилась масленка, он ткнул ею в дырку и давай закачивать внутрь хренову тучу масла. по ходу мыча свою безумную немецкую песенку.

он все качал и качал, потом оглянулся через плечо, сказал:

– славно, я? – и снова отвернулся, и качал себе дальше.

Индеец Майк взглянул на меня, попробовал рассмеяться, вымолвил:

– черт побери... нас опять отымели!

– ага, – ответил я, – я уже, наверное, лет пять не ебся, но будь я проклят, если засуну хуй в эту кучу свинца!

Фон Брашлиц расхохотался, подошел к шкафчику с пойлом, отыскал еще одну чекушку шнапса, начислил себе хорошенько и уселся перед нами.

– когда мы в Германии начали понимать, что война проиграна, а петля затягивается – до самой последней битвы за Берлин, – мы поняли, что война поменяла суть: подлинная драка разгорелась за то, кто побольше немецких ученых себе захапает. кто бы ни цапнул побольше, Россия или Америка, – именно *они* первыми доберутся до Луны, первыми до Марса... *все, что угодно*, сделают первыми. не знаю уж, как там на самом деле у них вышло... по количеству или в смысле научной силы мозга. знаю только, что до меня американцы добрались первыми, вытащили меня, увезли в машине, дали выпить, уперли дуло в висок, наобещали кучу, орали как ненормальные. я все подписал...

– ладно, – сказал я, – довольно истории, я все равно свою письку, свою бедную маленькую письку не собираюсь совать в эту глыбу сталеπροката – или как там она у вас называется! Гитлер точно чокнутый был, если с вами нянчился. лучше б до вашей задницы первыми добрались русские! верните мне мои 20 баксов!

Фон Брашлиц рассмеялся:

– хииихииихииихи... это же всего-навсего моя маленькая шутка, найн? хииихииихии!

он запихал гору свинца обратно в чулан, захлопнул дверь.

– ох, хихииихи! – и еще чуток отпил шнапса.

затем Фон Б. налил себе еще. ну он и хлещет.

– джентльмены, я – *художник* и изобретатель! моя ЕБЛИВАЯ МАШИНА – на самом деле моя дочь, Таня...

– опять шуточки, Фон? – спросил я.

– никаких шуточек! Таня! подойди и сядь джентльмену на колени!

Таня расхохоталась, встала, подошла и села мне на колени. ЕБЛИВАЯ МАШИНА? я не мог в это поверить! кожа как кожа – или ею казалась, – а язык, вкручиваясь мне в рот, когда мы целовались, был отнюдь не механическим, каждое движение его отличалось от прежнего, отвечало на мои.

и я приступил: сдирал с ее груди блузку, исследовал трусики, распалился сильнее, чем за все последние годы, а потом мы с нею сплелись; уж и не знаю как, но мы оказались на ногах – и я взял ее стоя, руками вцепившись в ее длинные светлые волосы, загибая ей назад голову, а потом скользнул пальцами вниз, раздвигая ей ягодицы, и пихал, пихал, она кончила – я почувствовал в ней биение и тоже влился.

лучше ебли у меня вообще никогда не было!

Таня сходила в ванную, почистилась и приняла душ, снова оделась для Индейца Майка, наверное.

– величайшее человеческое изобретение, – вполне серьезно произнес Фон Брашлиц.

и вполне справедливо.

тут Таня вышла и уселась МНЕ на колени.

– НЕТ! НЕТ! ТАНЯ! ТЕПЕРЬ ОЧЕРЕДЬ ВТОРОГО! ЭТОГО ТЫ ТОЛЬКО ЧТО ОТЪЕБАЛА!

она, казалось, не услышала, и это было странно даже для ЕБЛИВОЙ МАШИНЫ, поскольку я вообще-то никогда не был очень хорошим любовником.

– ты меня любишь? – спросила она.

– да.

– я тебя люблю, и я так счастлива, и...я не должна быть живой, ты ведь это знаешь, правда?

– я люблю тебя, Таня. вот все, что я знаю.

– черт побери! – заорал старик, – ЕБАНАЯ ЕБЛИВАЯ МАШИНА!

он подскочил к полированному ящику, у которого на стенке печатными буквами значилось ТАНЯ. оттуда торчали разноцветные проводки; виднелись шкалы с дрожавшими стрелками множества разных цветов, огоньки, мигавшие то и дело, что-то тикало... я никогда не сталкивался с сутенером ненормальнее Фона Б. он все крутил свои верньеры, потом взглянул на Таню:

– 25 ЛЕТ! почти всю жизнь тебя строил! даже от ГИТЛЕРА тебя прятать пришлось! а теперь... пытаешься превратиться в обычную заурядную блядь!

– мне не 25, – сказала Таня, – мне 24.

– видите? видите? как простая сука!

и он повернулся к своим шкалам.

– ты другой помадой накрасилась, – сказал я Тане.

– тебе нравится?

– о да!

она прижалась и поцеловала меня.

Фон Б. все играл с манометрами. я чувствовал, что он выигрывает.

Фон Брашлиц повернулся к Индейцу Майку:

– это лишь незначительный каприз техники, верьте мне. через минуту я все исправлю, я?

– надеюсь, – произнес Индеец Майк. – у меня тут 14 дюймов ждут, и я на 20 баксов обеднел.

– я люблю тебя, – говорила мне Таня. – я никогда ни с кем ебаться больше не стану. если ты не сможешь быть со мной, никого другого у меня не будет.

– я прощу тебя, Таня, что бы ты ни сделала.

проф уже злился. крутил ручки, но ничего не происходило.

– ТАНЯ! тебе уже пора ЕБАТЬ ВТОРОГО человека! я уже... устал... наверное, шнапс... спать... Таня...

– ах, – сказала Таня, – ты гнилой старый ебила! со своим шнапсом – а потом за сиськи меня всю ночь кусаешь, заснуть не даешь! сам даже поднять его по-человечески не можешь! блевать тянет!

– ВАС?

– Я СКАЗАЛА, «ТЫ ДАЖЕ ПОДНЯТЬ ЕГО ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ НЕ МОЖЕШЬ!»

– ты, Таня, ты за это заплатишь! ты – *мое* творение, а не я твое!

он продолжал дрочить свои волшебные рукоятки. я имею в виду, на своей машине. он уже довольно сильно рассердился, это было хорошо заметно. от гнева он просто весь сиял и лучился жизнью.

– ты подожди, Майк, мне надо электронику подрегулировать! подожди! короткое *замыкание!* я его *вижу!*

потом он подскочил. этот парень, которого спасли от русских.

и посмотрел на Индейца Майка:

– все исправлено! машина в порядке! наслаждайся!

и он отошел к своей бутылке шнапса, налил себе хорошенько, сел смотреть.

Таня встала у меня с коленей и подошла к Индейцу Майку. я наблюдал, как они обнимаются.

Таня расстегнула Майку молнию, вытащила его хуй – чуваки, хуя же у него было дохуя! он сказал 14 дюймов, а больше походило на все 20.

и Таня обвила этот хуй всеми своими пальцами.

Майк застонал от благодати.

а она вырвала весь этот хуй прямо из тела и отбросила в сторону.

я видел, как эта штука покатила по ковру обезумевшей сосиской, оставляя за собой печальный след из капелек крови, докатилась до стены и осталась там – с головкой, но без ножек, да и пойти некуда... что, в общем-то, было похоже на правду.

за ним последовали ЯЙЦА – полетели по воздуху. тяжелой кривой дугой. шлепнулись на середину ковра, не зная, что бы еще такого сделать, кроме как сочиться на него кровью.

вот они и сочились.

Фон Брашлиц, герой русско-американского вторжения, пристально посмотрел на то, что осталось от Индейца Майка, моего старого кореша и собутыльника, – оно ярко краснело на полу, расползаясь от центра, – и выбрал прямой путь, вниз по лестнице...

комната 69 видала все, но не такое.

а затем я спросил Таню:

– легавые прискачут сюда очень быстро, не посвятить ли нам номер этой комнаты нашей любви?

– конечно, любовь моя!

мы управились – как раз вовремя, – и тут ворвались глупые легаши.

один грамотей затем объявил, что Индеец Майк мертв.

а поскольку Фон Б. был чем-то вроде продукта Правительства США, вокруг собралось чертовски много народу – разные ссыкливые чинуши – пожарники, репортеры, фараоны, изобретатель, ЦРУ, ФБР и иные разнообразные формы человеческого говна.

Таня подошла и села ко мне на колени.

– они меня сейчас убьют, пожалуйста, постарайся не грустить.

я ничего не ответил.

потом Фон Брашлиц завопил, тыча в Таню:

– ГОВОРЮ ВАМ, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, У НЕЕ НЕТ ЧУВСТВ! Я СПАС ЭТУ ПРОКЛЯТУЮ ДРЯНЬ ОТ ГИТЛЕРА! говорю вам, она всего лишь МАШИНА!

те толпились себе вокруг. Фону Б. никто не верил.

просто-напросто машины прекраснее – да еще и так называемой женщины в придачу – никто никогда не видел.

– ох блядь! да вы идиоты! каждая женщина – всего-навсего ебливая машина, неужели вы не понимаете? они подыгрывают тому, кто больше всех ставит! НЕ БЫВАЕТ ТАКОГО – ЛЮБВИ! ЭТО СКАЗОЧНЫЙ МИРАЖ, КАК РОЖДЕСТВО!

но они все равно не верили.

– ЭТО – всего лишь машина! не БОЙТЕСЬ! СМОТРИТЕ!

Фон Брашлиц схватил Таню за руку.

начисто оторвал ее от тела.

а внутри – в дыре плеча – и хорошо видно – были только провода и трубки – свернутые в кольца, по ним что-то бежало – плюс какая-то фигня, слабо напоминавшая кровь.

Таня стояла посреди комнаты, а из плеча у нее свисало кольцо провода – оттуда, где раньше была рука. она посмотрела на меня:

– и ради *меня* тоже, пожалуйста! я же просила тебя не сильно грустить.

я стоял и смотрел, а они всем скопом накиннулись на нее, и вгрызались, и насиловали, и рвали ее на части.

я ничего не мог поделать. я сунул голову между колен и плакал...

к тому же Индеец Майк так и не получил того, что ему причиталось за 20 баксов.

прошло несколько месяцев. я ни разу больше не заходил в бар. состоялся суд, но правительство оправдало Фона Б. и его машину. я переехал в другой город. подальше. и как-то раз, сидя в цирюльне, взял в руки один секс-журнальчик. там было объявление: «Надуйте себе собственную куколку! \$29,95. Стойкий резиновый материал, *очень* прочный. Цепи и хлысты прилагаются. Бикини, лифчик, трусики, 2 парика, губная помада и небольшая упаковка любовного зелья тоже прилагаются. Компания Фон Брашлица».

я отправил ему перевод с заказом. на какой-то почтовый ящик в Массачусетсе. Фон Брашлиц тоже переехал.

недели через 3 пришла посылка. очень неловко. у меня не было велосипедного насоса, а едва я вытащил эту штуку из пакета, меня обуяла похоть. пришлось идти на угол, на заправку, надувать прямо у них.

наполняясь воздухом, она становилась все краше и краше. здоровые сиськи. большая задница.

– чего это у тебя, приятель? – спросил заправщик.

– слушай, мужик, я у тебя только воздуха попросил. я что, мало у вас заправляюсь, а?

– ладно, все в порядке, воздух бесплатно. что, уж и спросить нельзя, что у тебя там такое...

– и думать не смей! – сказал я.

– ГОСПОДИ! ты только посмотри на эти СИСЬКИ!

– я и СМОТРЮ на них, придурок!

язык у него вывалился, но я ушел – закинул ее на плечо и рванул обратно к себе. внес в спальню.

на главнейший вопрос только предстояло ответить.

я раздвинул ей ноги и стал искать хоть какое-нибудь отверстие.

Фон Б. не до конца облажался.

я взобрался на нее и стал целовать резиновый рот. то и дело дотягивался до гигантской резиновой сиськи и всасывался. надел ей на голову желтый парик и весь хуй себе обмазал любовным зельем. много не потребовалось. может, мне запас на год прислали.

я целовал ее страстно за ушами, засовывал палец ей в жопу, качал и качал дальше. потом соскочил, связал ей цепью руки за спиной – там даже замочек с ключиком имелись – и хорошенько избил кожаной плеткой по заднице.

господи, да я никак совсем свихнулся! – думал я.

затем перевернул ее и снова вставил. горбатил и горбатил. если честно, это было довольно скучно. я представлял себе, как собаки трахают кошек; воображал, как двое ебутся в воздухе, прыгая с Эмпайр-стейт-билдинга. представлял себе пизду, здоровенную, как осьминог, – ползет ко мне, влажная, вонючая, оргазма хочет до судорог. я вспоминал все трусики, колени, ноги, сиськи, пёзды, что встречал в жизни. резина потела; я тоже потел.

– я люблю тебя, дорогая! – шептал я ей в резиновое ухо.

как ни стыдно в этом признаваться, я заставил себя кончить в этот паршивый резиновый мешок. вообще никакого сходства с Таней.

я взял бритву и раскромсал эту дрянь на говно. вывалил в бак на улицу вместе с пивными банками.

сколько мужчин в Америке покупает эти дурацкие примочки?

или, к примеру, за 10 минут прогулки по любому центральному тротуару Америки можно миновать с полсотни таких ебливых машин – единственная *разница* в том, что они *делают вид*, будто они люди.

бедный Индеец Майк. со своим 20-дюймовым мертвым хуем.

все эти бедные Индейцы Майки. все, кто карабкается в Космос. все бляди Вьетнама и Вашингтона.

бедная Таня, ее живот был свинячьим брюхом. вены – собачьими венами. она редко срала или ссала, только еблась – а сердце, голос и язык взяты у кого-то взаймы – в то время считалось, что можно пересаживать только 17 органов. Фон Б. namного их всех опередил.

бедная Таня, она и ела-то по чуть-чуть – в основном дешевый сыр да изюм. ни денег не жаждала, ни собственности, ни больших новых машин, ни слишком дорогих домов. никогда не читала вечернюю газету. не хотела цветного телевидения, новых шляпок, сапожек на дождь, разговоров с женами-идiotками на задних дворах у заборов; не мечтала о муже – враче, биржевом маклере, конгрессмене или полицейском.

а парень с заправки все спрашивает меня:

– эй, что стало с той штукой – помнишь, ты как-то сюда притащил и надул из нашего насоса?

хотя нет, больше не спрашивает. я заправляюсь в другом месте. я даже не хожу стричься туда, где увидел журнал с секс-объявлением про резиновую куклу Фон Брашлица. я пытаюсь забыть все.

а вы бы что сделали?

Жиломоталка

После того как тела выдавились из-под барабанов, Дэнфорт развесил их одно за другим. Бэгли сидел на телефонах.

– сколько получилось?

– 19. неплохой денек вроде.

– бля, ну еще бы. вроде и впрямь неплохой. а вчера мы сколько пристроили?

– 14.

– недурно. недурно. если так и дальше пойдет, у нас все срастется. меня одно беспокоит – как бы эту херню вьетнамскую не бросили, – сказал телефонист Бэгли.

– не дуркуй – на этой войне слишком много народу наживается и от нее зависит.

– но ведь Парижская мирная конференция...²

– да ты сегодня просто не в себе, Бэг. сам ведь прекрасно знаешь: они там сидят, прикалываются весь день, зарплата капает, а по ночам парижские клубы окучивают. эти ребята хорошо устроились. им совсем не хочется, чтобы Мирная конференция заканчивалась – как нам не хочется, чтобы кончалась война. мы тут жируем, ни царпинки. мило. а если вдруг нечаянно до чего и договорятся, другие появятся. горячие точки по всему миру будут тлеть.

– да-а, наверное, я чего-то перемудрил. – один из трех телефонов на столе зазвонил. Бэгли снял трубку: – АГЕНТСТВО УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ. Бэгли на проводе. послушал.

– ну. ну. есть у нас хороший бухгалтер по учету затрат. зарплата? \$300 в первые две недели, в смысле по 300 в неделю. мы получаем оплату за первые две недели. затем урезаем до 50 в неделю или увольняем. если вы его уволите после первых двух недель, мы платим ВАМ сто долларов. почему? ну что, непонятно, что ли, – вся идея в том, чтоб ничего не стояло на месте. дело только в психологии, как с Санта-Клаусом. когда? ага, сразу и посылаем. адрес какой? прекрасно, прекрасно, прилетит мухой. не забудьте про условия. контракт пришлем вместе с ним. до свиданья.

Бэгли повесил трубку. помычал себе что-то, подчеркнул адрес.

– снимай одного, Дэнфорт. какого-нибудь усталого задрота. нет смысла поставлять лучшее по первому звонку.

Дэнфорт подошел к бельевой веревке и отцепил прищепки от пальцев усталого задрота.

– веди сюда. как его зовут?

– Герман. Герман Теллеман.

– черт, он что-то смотрится не очень. похоже, еще кровь осталась. да и в глазах цвет проглядывает... мне кажется. слушай, Дэнфорт, у тебя хорошо барабаны работают, туго? я хочу, чтобы все жилы вытягивались, чтоб совершенно никакого сопротивления, понятно? ты свою работу делаешь, я – свою.

– некоторые поступают довольно крутыми. у некоторых жилы крепче, сам же знаешь. на вид не всегда определишь.

– ладно, давай этого попробуем. Герман. эй, сынок!

– чё, папаша?

– как тебе понравится непыльная работенка?

– а-а, да ну ее к черту!

– что? не хочешь непыльную работенку?

---

² Имеется в виду «Парижское соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме», подписанное 27 января 1973 г. по итогам четырехлетних переговоров сторон, участвовавших во Вьетнамской войне.

– на хуй она мне упала? мой старик, он из Джерси был, всю жизнь пропахал как проклятый, а когда мы его похоронили на его же бабки, знаете сколько осталось?

– сколько?

– 15 центов и вся его тупая замороченная житуха.

– а тебе разве не хочется жену, семью, дом, уважение? новую машину каждые 3 года?

– да я напрягаться не хочу, папаша. не суйте вы меня в мышеловку эту. оттянуться – вот это да. какого хера.

– Дэнфорт, прогони этого ублюдка через барабаны, да гайки потуже затяни!

Дэнфорт схватил испытуемого, но Теллеман таки успел завопить:

– мать вашу в сраку...

– и вымотай ИЗ НЕГО ВСЕ ЖИЛЫ, ВСЕ ДО ПОСЛЕДНЕЙ! ты меня слышал?

– ладно, ладно! – проворчал Дэнфорт. – блядь. мне иногда кажется, что тебе самый легкий конец бревна достался!

– какие там еще бревна? вымотай из него все жилы. Никсон может закончить войну...

– опять ты эту ахинею понес! мне кажется, ты спишь в последнее время плохо, Бэгли. с тобой что-то не так.

– да, да, ты прав. бессонница. я все думаю – может, нам солдат делать? ночами ворочаюсь! вот это был бы бизнес!

– Бэг, что дают, с тем и работаем, вот и все.

– ладно, ладно, ты прогнал его через барабаны?

– аж ДВА РАЗА! все жилы вымотал. сам увидишь.

– ладно, тащи сюда. попробуем.

Дэнфорт опять подволок Германа Теллемана. тот и впрямь выглядел несколько иначе. из глаз полностью испарился цвет, на лицо напозла совершенно фальшивая улыбка. прекрасное зрелище.

– Герман? – спросил Бэгли.

– да, сэр?

– что ты чувствуешь? вернее, как ты себя чувствуешь?

– я никак себя не чувствую, сэр.

– тебе легавые нравятся?

– не легавые, сэр, – полицейские. они являются жертвами нашей собственной порочности, несмотря на то что иногда защищают нас, стреляя в нас, сажая нас в тюрьму, избивая и штрафуя нас. не существует плохих легавых. полицейских, прошу прощения. понимаете ли вы, что, если бы не было полицейских, нам бы пришлось взять охрану правопорядка в свои руки?

– и что бы тогда было?

– я никогда не задумывался об этом, сэр.

– отлично. ты веришь в Бога?

– о да, сэр, и в Бога, и в Семью, и в Государство, и в Страну, и в честный труд.

– господи ты боже мой!

– что, сэр?

– извини. так, ладно, тебе нравится сверхурочная работа?

– о да, сэр! я бы хотел работать 7 дней в неделю, если возможно, и на 2 работах, если возможно.

– зачем?

– из-за денег, сэр. деньги на цветной телевизор, новые машины, начальный платеж за дом, шелковые пижамы, 2 собак, электрическую бритву, страхование жизни, медицинскую страховку, ох да на чего угодно страховку, и на образование в колледже для детей, если у меня будут дети, и на автоматические ворота в гараж, и на хорошую одежду, на ботинки за 45 долларов, фотоаппараты, наручные часы, кольца, стиральные машины, холодильники, новые кресла,

новые кровати, ковры от стенки до стенки, благотворительные взносы в церковь, отопление с термостатом и...

– ладно. хватит. когда же ты собираешься пользоваться всем этим барахлом?

– я не понимаю, сэр.

– я имею в виду, если ты работаешь днями и ночами, и сверхурочные в придачу, когда же ты будешь наслаждаться всей этой роскошью?

– о, такой день придет, такой день настанет, сэр!

– а ты не думаешь, что дети твои вырастут однажды и решат, что ты придурок?

– после того как я стер пальцы до кости, работая ради них, сэр? разумеется, нет!

– отлично. теперь еще несколько вопросов.

– да, сэр.

– ты не думаешь, что вся эта непрерывная тупорыловка вредна для здоровья и духа, для души, если хочешь?..

– ох черт, да если б я все время не работал, я бы просто сидел и кирял, или рисовал бы картинки маслом, или ебался бы, или ходил бы в цирк, или сидел бы в парке, на уточек смотрел. типа такого.

– а ты не думаешь, что сидеть в парке и на уточек смотреть – это хорошо?

– я так себе денег не заработаю, сэр.

– хорошо, отъебись.

– сэр?

– я хотел сказать, что я закончил с тобой беседовать... ладно, этот готов, Дэн. прекрасная работа. дай ему контракт, пусть подпишет, а то, что мелким шрифтом, он читать не будет. он думает, что мы добрые. отволоки по адресу. его примут. уже много месяцев у нас не бывало бухгалтера по затратам лучше.

Дэнфорт заставил Германа подписать контракт, еще раз проверил ему глаза, убедился, что они мертвы, вложил ему в руку бумажку с адресом и контракт, подвел к двери и легонько подтолкнул вниз по лестнице.

Бэгли же откинулся на спинку кресла, расслабленно улыбнулся успеху и стал смотреть, как Дэнфорт прогоняет через моталку следующих 18. куда именно отправлялись их жилы, Бэгли видно не было, но почти каждый терял их где-то по пути. те, что с этикетками «женат, с детьми» и «за 40», расставались с жилами легче всего. Бэгли сидел, а Дэнфорт прогонял их сквозь барабаны. мотаемые переговаривались:

– тяжело такому старику, как я, найти работу, ох как тяжело!

другой:

– ох, елки, как же снаружи холодно!

еще один:

– устал я уже – всё ставки, ставки, туда толкнешь, сюда толкнешь, а потом один арест, другой, третий. мне нужно что-нибудь надежное, надежное, надежное, надежное, надежное...

еще:

– ладно, повеселились – и будет...

еще:

– у меня нет специальности, у всех должна быть специальность, у меня нет специальности. что же мне делать?

еще:

– я по всему миру поколесил – в армии – уж я-то знаю.

еще:

– если бы пришлось все заново начинать, я б стал дантистом или парикмахером.

еще:

– все мои романы, рассказы и стихи возвращаются. блядь, я даже в Нью-Йорк поехать не могу, с издателями поручаться! таланта у меня больше, чем у всех остальных, вместе взятых, но нужно где-то внутри иметь лапу! я за любую работу возьмусь, но я лучше любой работы, за которую возьмусь, потому что я гений.

еще один:

– видите, какой я хорошенький? посмотрите на мой носик? посмотрите на мои ушки? посмотрите на мои волосики? на мою кожу? как я играю на сценке! видите, какой я хорошенький? видите, какой я хорошенький? почему же я никому не нравлюсь? потому что я такой хорошенький, они завидуют, завидуют, завидуют...

телефон зазвонил снова.

– АГЕНТСТВО УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ. Бэгли на проводе. вам – что? глубоководный водолаз? еб твою ма! что? о, простите. Конечно-конечно, у нас десятки безработных глубоководных водолазов. его зарплата за первые 2 недели поступает к нам. 500 в неделю, опасно, знаете ли, очень опасно – ракушки там, крабы, всякое такое... морская капуста, русалки на скалах. осьминоги. кессонная болезнь. гайморит. ебть, да. плата за первые 2 недели – наша. если вы увольняете его после первых 2 недель, мы платим \$200 *вам*. почему? *почему*? если б малиновка снесла золотое яичко прямо в кресло у вас в гостиной, вы бы стали спрашивать ПОЧЕМУ? стали б?

мы пришлем вам глубоководного водолаза через 45 минут! адрес? чудно, чудно, ах да, прекрасно, это возле здания «Ричфилда». да, я знаю. 45 минут. спасибо. до свиданья.

Бэгли повесил трубку. он уже устал, а день только начинался.

– Дэн?

– что, мать твою?

– притащи мне типа глубоководного водолаза кого-нибудь. толстоватого в талии. голубые глаза, волос на груди средне, ранняя плешь, слегка стойк, сутуловат, плохое зрение и недиагностированный рак горла на ранней стадии. это будет глубоководный водолаз. они такие, это все знают. тащи его сюда, ебена мать.

– ладно, засранец.

Бэгли зевнул. Дэнфорт отстегнул одного. вытащил вперед, поставил перед столом. на этикетке значилось: «Барни Андерсон».

– здорбво, Барни, – сказал Бэг.

– где это я? – спросил Барни.

– в АГЕНТСТВЕ УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЙ ПОМОЩИ.

– бля, ну и склизкие же вы уёбки, доложу я вам – или я ни хера вообще в жизни не шарю!

– какого хуя, Дэн?!

– я его 4 раза прогонял.

– я же сказал затянуть гайки!

– а я сказал, что у некоторых жил больше, чем у остальных!

– это все сказки, придурок хуев!

– кто придурок хуев?

– вы оба – хуевы придурки, – отозвался Барни Андерсон.

– протащи его задницу через моталку еще три раза, – сказал Бэгли.

– ладно, ладно, только сначала давай между собой разберемся.

– хорошо, например... спроси-ка этого парня Барни, кто у него герои.

– Барни, хто у тебя херои?

– н-ну, щас – Кливер³, Диллинджер⁴, Че⁵, Малколм Икс⁶, Ганди, Джерсиец Джо Уолкотт⁷, Бабуля Баркер⁸, Кастро, Ван Гог, Вийон, Хемингуэй.

---

³ Лерой Элдридж Кливер (1935 – 1998) – американский борец за гражданские права, один из руководителей ради-

– видишь, он идень-тифицирует себя с НЕУДАЧНИКАМИ. от этого ему кайфово. он готовится проиграть, а мы ему поможем. его прикололи по этому дерьму душевному, а мы через это их за жопы-то и держим. души – нет. это все наёбка. и героев никаких нет. и это – сплошная наёбка. да и победителей не бывает – одна наёбка и лошажье говно. нет ни святых, ни гениев – наёбка и детские сказки, только чтоб игра не заканчивалась. каждый в ней держится изо всех сил, чтобы повезло, – если может. а все остальное – говно на палке.

– ладно, ладно, я уже врубился в твоих неудачников! а как же Кастро? на последнем фото выглядел довольно упитанным.

– он держится, потому что США и Россия решили оставить его посередке. но предположим, они на самом деле выложат карты на стол? куда ему тогда приткнуться? мужик, да у него фишек не хватит, чтобы прорваться даже в ветхий египетский бордель.

– идите вы на хуй, ребята! мне нравятся те, кто мне нравится! – сказал Барни Андерсон.

– Барни, когда человек постарел, запутался в силках, оголодал, утомился, он хуй сосать будет, сиську лизать, говно жрать, лишь бы остаться в живых; либо так, либо в петлю. человечеству чего-то не хватает, мужик. гнилая это толпа... поэтому мы все изменим, мужик. вот в чем номер. если уж мы до Луны добрались, из ночной вазы говно точно вычистим. мы просто не за то цеплялись... ты болен, парниша. и в талии жирноват. и лысеешь. Дэн, приведи его в форму.

Дэнфорт забрал Барни Андерсона и прозвонил, и прокрутил, и с воплями продавил его через моталку три раза, а затем притащил обратно.

– Барни? – спросил Бэгли.

– да, сэр!

– кто твои герои?

– Джордж Вашингтон, Боб Хоуп⁹, Мэй Уэст¹⁰, Ричард Никсон, кости Кларка Гейбла и все эти славные люди, которых я видел в Диснейленде. Джо Луис¹¹, Дайна Шор¹², Фрэнк Синатра, Малыш Рут¹³, Зеленые Береты, черт возьми, да вся Армия и Военно-Морской Флот Соединенных Штатов, а особенно – Корпус Морской Пехоты, и даже Министерство Финансов, ЦРУ, ФБР, «Юнайтед Фрут», Дорожная Патрульно-Постовая Служба, весь хренов Департамент Полиции Лос-Анджелеса и лягаши Окружного Участка в придачу. причем я не имею в виду «лягаши», я хотел сказать «полицейские». а еще Марлен Дитрих с таким разрезом сбоку платья, ей уже, наверное, под 70? – когда она танцевала в Лас-Вегасе, член у меня так вырос,

---

кального движения «Черные пантеры» (1966 – 1972), чьей целью было свержение правительства США и замена его черным социалистическим режимом.

⁴ **Джон Диллинджер** (1902 – 1934) – американский гангстер, в 1933 г. объявленный ФБР «врагом общества № 1».

⁵ **Эрнесто Че Гевара** (1928 – 1967) – аргентинский революционер-марксист, герой кубинской революции.

⁶ **Малколм Икс** (Малколм Литтл, 1925 – 1965) – американский активист борьбы за гражданские права, мусульманский проповедник.

⁷ Джерсиец Джо Уолкотт (Арнолд Реймонд Крим, 1914 – 1994) – американский боксер-тяжеловес, чемпион мира 1951 г.

⁸ **Бабуля Баркер** (она же Мамаша, Кейт Баркер, урожд. Аризона Кларк, 1873 – 1935) – американская преступница, объявленная «врагом общества», хотя в действительности, скорее всего, была просто осведомлена о налетах и грабежах, совершавшихся бандой, в которую входили ее сыновья. По легенде, культивировавшейся ФБР, погибла с автоматом Томпсона в руках в перестрелке с федеральными агентами.

⁹ **Боб Хоуп** (Лесли Таунз Хоуп, 1903 – 2003) – американский комик и киноактер, известный своими выступлениями перед американскими войсками во время Второй мировой войны (1939 – 1945), Корейской войны (1950 – 1953), Вьетнамской войны (1959 – 1975) и войны в Персидском заливе (1991); символ добродушного американского патриотизма.

¹⁰ **Мэй Уэст** (Мэри Джейн Уэст, 1893 – 1980) – американская актриса, известная в основном своими ролями сексапильных красоток с испорченной репутацией и острым язычком.

¹¹ **Джо Луис** (Джозеф Луис Бэрроу, 1914 – 1981) – американский боксер-тяжеловес, чемпион мира в 1937 – 1949 гг.

¹² **Дайна Шор** (Фрэнсис Роуз Шор, 1917 – 1994) – американская певица и актриса, одна из последних звезд поп-музыки до наступления эпохи рок-н-ролла.

¹³ **Джордж Херман** (Малыш) **Рут** (1895 – 1948) – американский профессиональный бейсболист, самый популярный спортсмен 1920 – 1930-х гг.

что за чудесная женщина. хорошая американская жизнь и хорошие американские деньги могут навечно сохранить нас молодыми, разве нет?

– Дэн?

– чего, Бэг?

– этот совсем готов! чувств у меня осталось не так много, но даже меня от него уже тошнит. пускай подписывает свой контракт, и отправляй его на хер. им он по душе придется. господи, и чего только человек не сделает, чтоб остаться в живых? иногда я свою работу даже ненавижу. это ведь плохо, разве нет, Дэн?

– ну дак, Бэг. а как только я отправлю этого олуха восвояси, у меня для тебя есть одна маленькая штучка – чуток старого доброго тоника.

– ах, чүдно, чудно... и что это?

– четверть оборотика через моталку.

– ЧЕГО?

– о, прекрасно лечит тоску или несвоевременные мысли. ну, типа такого.

– а подействует?

– лучше аспирин.

– ладно, убирай этого болвана.

Барни Андерсона отправили вниз по лестнице. Бэгли встал и подошел к ближайшему барабану.

– эти старушечки – Уэст и Дитрих – по-прежнему засвечивают сиськи и ноги, черт, да в этом никакого смысла нет, они это делали, еще когда мне было 6 лет. отчего у них так получается?

– ни отчего. подтяжки, корсеты, пудра, прожектора, фальшивые накладки, набивки, подкладки, солома, навоз, в общем. от них и твоя бабушка будет выглядеть на 16 лет.

– моя бабушка умерла.

– и все равно у теток получается.

– да, да, ты, наверное, прав. – Бэгли пошел к моталке. – только четверть оборота. тебе можно доверять?

– ты ведь мой партнер, правда, Бэг?

– конечно, Дэн.

– мы сколько с тобой вместе дела ведем?

– 25 лет.

– поэтому – ладно, когда я говорю ЧЕТВЕРТЬ ОБОРОТА, я и имею в виду ЧЕТВЕРТЬ ОБОРОТА.

– чего делать надо?

– просунь руки между барабанов, это как в стиральной машине.

– вон туда?

– ага. поехали! ууу-ии!

– эй, мужик, не забудь – четверть оборота.

– конечно, Бэг, ты что – не доверяешь мне?

– теперь придется.

– знаешь, а я ведь твою жену втихаря ёб.

– ах ты гнида! да я тебя убью!

Дэнфорт оставил машину крутиться, сел за стол Бэгли, закурил, помычал себе под нос песенку: «о, счастливый я, жизнь роскошная моя, и карманы рвутся от мечтаний... хоть пуст мой кошелек, но я – почти что бог, и карманы рвутся от мечтаний...»¹⁴

---

¹⁴ Парафраз строк из песни «У меня карман мечтаний» (I've Got a Pocketful of Dreams, 1938) американского композитора Джеймса Винсента Монако (1885 – 1945) на слова Джонни Бёрка (1908 – 1964), ставшей популярной в исполнении амери-

потом встал и подошел к машине с Бэгли.

– ты же сказал четверть оборота, – произнес Бэгли. – а уже полтора.

– ты что, не доверяешь мне?

– почему-то больше, чем обычно.

– и все равно я твою жену втихаря ёб.

– да это, я думаю, ничего. устал я сам ее ебать. любой мужик собственную жену ебать устанет.

– но я хочу, чтобы ты сам захотел, чтобы я твою жену ебал.

– да мне все равно, только прямо не знаю, *хочу* ли я этого.

– вернусь минут через 5.

Дэнфорт снова отошел, уселся в хозяйское кресло на колесиках, забросил ноги на стол и стал ждать. ему нравилось петь. вот он и пел песенки: «для меня ничего – это много, я – богач, наслаждаюсь ничем, у меня есть звезды и солнце, и моря под покровом ночей...»¹⁵

Дэнфорт выкурил две сигареты и вновь подошел к машине.

– Бэг, я твою жену втихаря ёб.

– ох, как хорошо-то! какой ты молодец! и знаешь что?

– что?

– мне на это как бы тоже посмотреть хочется.

– конечно, что за вопрос.

Дэнфорт подошел к телефону, набрал номер.

– Минни? ага, Дэн. я щас приду тебе всуну. Бэг? о, и он тоже придет. позывать хочет. не-а, мы не пьяные. я тут решил прикрыть на сёдня лавочку. мы уже все сделали. с этой заморочкой между Израилем и арабами, да еще африканские войны – нечего дергаться. Биафра – прекрасно звучит¹⁶. ладно, в общем, мы идем. я тебе хочу в сраку запердячить. у тебя такая жопа, господи. я, может, даже Бэгу запердячу. у него жопа поболее твоей, наверное. держись, солнышко, мы уже выходим!

Дэн повесил трубку. зазвонил другой телефон. он ответил:

– пошел ты в жопу, уёбок поганый, у тебя даже сиськи воняют, как мокрые собачьи какашки на западном ветру.

он бросил трубку и ослабился. подошел к моталке и вытащил Бэгли. они заперли дверь конторы и вместе спустились по лестнице. когда они вышли наружу, солнце висело еще высоко и смотрелось прекрасно. тоненькие юбки теток просвечивали чуть ли не до костей. повсюду смерть и тление. это Лос-Анджелес, возле 7-й и Бродвея, где одни трупы опускают других и даже сами не знают зачем. нервная игра – вроде через скакалку прыгаешь, или лягушек препарируешь, или ссышь в почтовый ящик, или своему песику дроишь.

– для нас ничего – это много, – пели они, – мы богаты, у нас ничего...

рука об руку дошли они до подземного гаража, нашли Бэгов «кэдди» 69-го года, залезли, зажгли по долларовой сигаре, Дэн сел за руль, вывел машину, чуть не сшиб какого-то бомжа, хилившего с площади Першинга, свернул на запад к свободной трассе, к самой свободе, ко Вьетнаму, к армии, к ебле, огромным травяным полянам, сплошь уставленным голыми статуями, к французскому вину, к Беверли-Хиллз...

Бэгли перегнулся и пробежался пальцами по ширинке Дэнфорта.

надеюсь, он хоть женушке-то своей оставит, подумал тот.

канского певца и актера Гарри Лиллиса (Бинга) Кросби (1903 – 1977).

¹⁵ Парафраз строк из арии Порги «У меня есть много ничего» (I Got Plenty o' Nothin) из третьего акта оперы «Порги и Бесс» (1935) американского композитора Джорджа Гершвина (1898 – 1937) на слова Айры Гершвина (1896 – 1983) и Дюбуза Хейурда (1885–1940).

¹⁶ **Республика Биафра** – самопровозглашенное государство народа игбо в юго-восточной части Нигерии (1967 – 1970).

стояло теплое лос-анджелесское утро, а может, и день. Дэн кинул взгляд на часы в приборной доске – показывали 11:37 утра – и сразу кончил. «кэдди» он гнал на 80 асфальт скользил под колесами, словно могилки покойников. Дэнфорт включил было встроенный в доску телевизор, потом протянул руку к телефону, потом вспомнил, что забыл застегнуть ширинку.

– Минни, я люблю тебя.

– я тебя тоже люблю, Дэн, – ответила та. – а этот жлоб с тобой?

– тут, рядышком, только что полный рот себе отсосал.

– ох, Дэн, не сливай *понапрасну!*

он расхохотался и положил трубку. чуть не сбили какого-то черномазого на пикапе. не черного, а именно черномазого, во какого. лучше города на свете нет, если все срастается, а когда не срастается, только один город хуже – Большое Я¹⁷. Дэнфорт поддал до 85. патрульный на обочине ухмыльнулся ему с мотоцикла. может, Бобу сегодня позвонит чуть попозже. с Боба всегда уссyкoн. 12 сценаристов вечно ему пишут анекдоты попрικольнее. а сам Боб – естественный, как навозная куча. чудненько.

Дэн выкинул долларовую сигару в окно, поджег другую, пришпорил «кэдди» до 90, прямо к солнцу, как стрела, дела идут отлично, жизнь тоже, – а шины кружились над мертвыми, умиравшими и еще не умершими.

ЗЬЯЯЯАААААУУУМ!

---

¹⁷ Имеется в виду Нью-Йорк, который называют Большим Яблоком. Это прозвище было популяризовано в 1920-х гг. спортивным обозревателем Джоном Джозефом Фиц-Джеральдом (1893–1963).

3 тетки

Мы жили прямо через дорогу от парка Макатура, Линда и я, и как-то ночью, выпивая, увидели, как за окном пролетел человек. странное зрелище, как в анекдоте, но когда тело ударилось о тротуар, на анекдот это мало походило.

– господи боже мой, – сказал я Линде, – да он лопнул, как перезрелый помидор! мы сделаны из одних кишок, говна и какой-то слизи! иди сюда! иди сюда! только погляди на него!

Линда подошла к окну, затем сбегала в ванную и проблевалась. потом вышла. я обернулся и посмотрел на нее.

– да ей же богу, крошка, он похож на опрокинутую лохань с гнилым мясом и спагетти, одетую в драный костюм и рубашку!

Линда забежала обратно и рыгнула опять.

я сидел и пил вино. вскоре раздалась сирена. на самом деле надо было вызывать санэпидемстанцию. да и хуй с ним, у нас у всех свои проблемы. я никогда не знал, где взять денег на квартиру, а ходить искать работу не походишь, мы болели от кира. чуть накатывал волнѐж – мы еблись. от нее мы ненадолго все забывали. еблись мы много, и, к счастью для меня, с Линдой барахтаться было хорошо. вся ночлежка кишела такими же, как мы: люди кирали, еблись и не знали, что дальше. то и дело кто-нибудь прыгал из окна. но деньги к нам вроде всегда откуда-то приплывали, как раз когда мы уже готовы были лопать собственное дерьмо: однажды \$300 от покойного дядюшки, в другой раз – запоздалый возврат налогов. еще как-то я ехал в автобусе и на сиденье передо мной лежали 50-центовые монеты. что это означало или кто это сделал, я не имел ни малейшего понятия и до сих пор не имею. я пересел поближе и стал набивать карманы полудолларами. когда карманы наполнились, дернул за шнурок и слез на остановке. никто ничего не сказал, не попытался меня остановить. в смысле, когда пьян, не повезти не может, даже если ты неудачник – все равно повезет.

каждый день мы, бывало, посиживали в парке – на уток смотрели. вы уж мне поверьте: когда здоровье подорвано непрерывным пьянством и нехваткой приличной пищи, когда устал ебстись забвения для, с уточками ничего не сравнится. то есть нужно из своей конуры куда-то вылезти, потому что темно-синяя тоска навалится – и следующим из окна вылетаешь ты, это гораздо легче, нежели принято считать. и вот мы с Линдой садились на лавочку и смотрели на уток. уткам все было по барабану – за квартиру платить не надо, одежда не нужна, еды навалом, плавай себе, сри да крякай. вот они и жрут все время, тырят друг у друга и клюют. время от времени кто-нибудь из ночлежки ловил ночью такую тварь, убивал ее, приносил в комнату, ощипывал и готовил. мы тоже об этом думали, но у нас не получалось. да и поймать их трудно: подберешься поближе, а он – ФФЫРК!!! фонтан брызг, и пизденыш упорхнул! в основном питались мы блинчиками из муки на воде или же таскали кукурузу из чьих-нибудь огородов – один парень вообще кукурузный сад у себя развел, только вряд ли ему самому хоть один початок достался, – потом тырить еще можно было с открытых рынков – то есть перед одной бакалейной лавкой стоял овощной ларек, – а это означало случайный помидор-два или огурчик, но мы же мелкие воришки, беспонтовые, полагались в основном на удачу. с сигаретами выходило проще всего – выходишь прогуляться вечером – кто-нибудь обязательно окно в машине оставит открытым, а на приборной доске – пачка или полпачки. разумеется, доставали нас вино и квартплата, поэтому мы еблись и волновались.

и, как всегда бывает с предельным отчаянием, наступили наши черные дни. не осталось ни вина, ни удачи, ничего. никаких кредитов больше ни у хозяйки, ни в винной лавке. я решил поставить будильник на 5:30 утра и сходить на Фермерский Рабочий Рынок, но даже часы как надо не работали. они когда-то сломались, и я их вскрыл починить. там лопнула пружина, а чтоб снова заработала, можно было только отломать у нее кусочек и подцепить снова, все

закрывать обратно и завести. если хотите знать, что с будильником делает укороченная пружина – да и с другими часами, наверно, тоже, – я вам расскажу. чем короче пружина, тем быстрее крутятся минутная стрелка и часовая. сбрендили часы, в общем, и когда мы уставали ебаться ради успокоения, бывало, наблюдали за этими часами и пытались определить, сколько времени *на самом деле*, видно было, как минутная стрелка скачет, – как же мы над нею ржали.

потом однажды – а вычислили где-то за неделю – мы обнаружили, что часы проходят *тридцать* часов за каждые двенадцать *действительного* времени. к тому же их нужно было заводить раз в 7 или 8 часов, иначе они останавливались. иногда мы просыпались, смотрели на часы и не могли врубиться, сколько сейчас времени.

– ну блядь, крошка, – говорил я, – неужели ты не можешь эту дрянь вычислить? часы идут в 2 с половиной раза быстрее положенного. все просто.

– ага, а сколько времени было, когда мы последний раз их ставили? – спрашивала она.

– черт его знает, крошка, я пьяный был.

– ты б лучше их завел, а то остановятся.

– ладно.

я их заводил, и мы еблись.

поэтому в то утро, когда я решил сходить на Фермерский Рабочий Рынок, часы работать не хотели.

мы где-то нарыли бутылку вина и медленно ее выпили. я смотрел на эти часы, не зная, что они хотят сказать, и, боясь пропустить ранний подъем, только лежал в постели и не спал всю ночь. потом встал, оделся и пошел на ту улицу в Сан-Педро. там все стояли и вроде бы ждали. в витринах лежало довольно много помидоров, и я умыкнул два или 3 и съел. висела большая черная доска: В БЕЙКЕРСФИЛД НУЖНЫ СБОРЩИКИ ХЛОПКА. ПИТАНИЕ И ЖИЛЬЕ. что это еще за херотень? *хлопок* в Бейкерсфилде, Калифорния? я-то думал, что Эли Уитни и волокноотделитель¹⁸ положили этому конец. потом подъехал большой грузовик, и обнаружилось, что нужны еще и сборщики помидоров. вот же срань, Линду надолго оставлять одну в постели мне не хотелось. она никогда одна не залеживалась. однако я решил попробовать. все начали карабкаться в кузов. я подождал, пока на борт не заберутся дамы – а среди них были объемистые. все влезли, и тут стал карабкаться я. здоровенный мексиканец, явно нарядчик, принялся закрывать задний борт:

– простите, сеньор, мест нет! – они уехали без меня.

к тому времени случилось почти 9 вечера, и прогулка до ночлежки заняла у меня еще час. я проходил мимо хорошо одетых, глупых на вид людей. один раз меня чуть не переехал какой-то злюка в черном «кадиллаке». Уж и не знаю, какого рожна он злился. может, из-за погоды. жаркий день стоял. в ночлежке пришлось переть по лестнице пехом, поскольку лифт располагался в аккурат возле хозяйкиной двери, и хозяйка постоянно с ним еблась: то медяшку драит, то просто шпионит, задница.

до верху – 6 этажей; взобравшись, я услышал из своей комнаты хохот. Линда, сука, не слишком долго меня дожидалась. ладно, жопу надеру и ей, и ему. я открыл дверь.

там сидели Линда, Джини и Ева.

– Дорогулечка! – сказала Линда. подошла ко мне. разоделась – даже напялила высокие каблуки. языком чуть ли не гланды мне достала, когда мы поцеловались. – Джини только что получила первое в жизни пособие, а Ева уже давно на нем сидит! это и празднуем!

портвейна – хоть залейся. я зашел, принял ванну, а потом вышел в одних трусах. мне всегда нравится ногами щегольнуть. у меня – здоровеннейшая, мощнейшая пара ног, что я

---

¹⁸ **Эли Уитни** (1765–1825) – американский изобретатель и промышленник, чей хлопкопрядильный станок в 1793 г. революционизировал всю текстильную промышленность.

только видел на мужиках. остальной я не очень. и вот я сел в своих рваных трусах, задрал ноги на кофейный столик.

– ёбть! поглядите только на эти ноги! – сказала Джини.

– ага, ага, – поддакнула Ева.

Линда улыбнулась. мне нацедили вина.

сами знаете, как оно бывает. мы пили и болтали, болтали и пили. девчонки сгоняли еще за пойлом. еще поболтали. стрелки описывали круг за кругом. вскоре стемнело. я уже пил в одиночестве, так и остался в драных трусах. Джини ушла в спальню и вырубилась на кровати. Ева отключилась на кушетке, а Линда – на кожаном диванчике в коридоре перед ванной. я по-прежнему не понимал, почему тот мексиканец захлопнул передо мною борт. я был несчастен.

я зашел в спальню и забрался в постель к Джини. крупная она была женщина – и голая. я начал целовать ее груди, впиваясь в них.

– эй, ты чего делаешь?

– чего делаю? собираюсь тебя выебать!

я вложил палец ей в пизду и подвигал им взад-вперед.

– я тебя сейчас выебу!

– нет! Линда же меня убьет!

– она не узнает!

я влез на нее и МЕДЛЕННО МЕДЛЕННО ТИХОНЬКО так, чтобы не лязгнула ни одна пружина, чтобы ни звука, скользнул им внутрь-наружу внутрь-наружу МЕДЛЕННО-МЕДЛЕННО так, что когда кончал, то думал, что не кончу никогда. лучшая ебля в моей жизни, и когда я подтирался простынями, мне в голову пришла мысль – может быть, Человечество столетиями ебется неправильно.

потом я ушел, сел в темноте, еще немного выпил. не помню, сколько я так просидел. но выпил довольно много. затем пошел к Еве. к той, что на пособии. эта была жирной, слегка морщинистой, но у нее были очень сексуальные губы, непристойно сексуальные губы, аж противно. я начал целовать этот ужасный и прекрасный рот. она совершенно не сопротивлялась. раздвинула ноги, и я вставил. свинья она была порядочная – пердела, хрюкала, сопела и елозила подо мной. кончил я не так, как с Джини – долго и трепетно, – а плюх-плюх, и баста. встал. и не успел даже отойти к креслу, как она уже храпела вновь. поразительно – ебется, как дышит – и все ей до лампочки. каждая тетка ебется чуточку по-другому: потому-то мужику и нет покоя, тем они его и ловят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.